

ИССЛЕДОВАНИЯ

Международная евгеника и российское медицинское сообщество, 1900–1917

Н.Л. КРЕМЕНЦОВ

Университет Торонто, Торонто, Канада; n.krementsov@utoronto.ca

Статья посвящена проникновению евгеники в российский медицинский дискурс, происходившему одновременно с формированием евгенического движения в Западной Европе и Северной Америке в 1900–1917 гг. Данная работа описывает деятельность двух российских медиков: бактериолога и гигиениста Николая Фёдоровича Гамалеи (1859–1949) и психиатра Тихона Ивановича Юдина (1879–1949) как популяризаторов евгеники среди российских врачей. Автор подробно анализирует, что привлекало этих двух представителей столь разных медицинских специальностей в евгенических идеях, идеалах и политике, предлагавшихся западными коллегами. На основе детального изучения сходств и различий в отношении Гамалеи и Юдина к евгенике автор утверждает, что отсутствие последовательной унификации идей, методов изучения и внедрения, терминологии и обоснований давало раннему евгеническому движению важные преимущества. Неупорядоченная смесь различных идей, идеалов, методов, социальной политики и практик, существовавшая под общей «вывеской» евгеники, создавала представителям различных профессий в России и других странах возможность выбора и использования отдельных элементов евгеники в соответствии с их национальными и профессиональными интересами и повседневной практикой.

Ключевые слова: евгеника, Н.Ф. Гамалея, Т.И. Юдин, российская медицина, «Гигиена и санитария», «Современная психиатрия», наследственность, здравоохранение.

В основополагающей коллективной монографии 1990 г. “The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia” её научный редактор Марк Адамс призвал к сравнительному подходу в изучении евгеники, особенно с институциональной и профессиональной точек зрения, для лучшего понимания как национальных отличий, так и международных сходств в истории этого вездесущего явления XX в. (Adams, 1990a). Я подозреваю, что интерес Адамса к истории евгеники в одном особом регионе — России — послужил главным мотивом этого призыва, поскольку траектория развития российской евгеники представляет собой разительный контраст с её историей в других странах. Действительно, уже в заглавии самой ранней работы об истории российской евгеники было чётко обозначено сравнительное значение этой истории, а текст статьи

посвящён некоторым сходствам и существенным различиям в развитии евгеники в Германии и России в 1920-е гг. (Graham, 1977). Впоследствии западные историки не раз подчёркивали ценность «русского случая» для изучения организационных структур, научно-исследовательских программ, идеологических основ и социальной политики, развивавшихся евгениками других стран¹. В самом деле, хотя российские евгеники разделяли некоторые идеи западных коллег, «продолжительность жизни» российской евгеники, её институциональная и дисциплинарная структура, патронаж, объекты исследований, общественный резонанс и социальная роль, не говоря уже о вдохновленной евгеникой социальной политике, существенно отличались от зарубежных².

Практически все исследования по истории российской евгеники посвящены её развитию после Октябрьской революции 1917 г. и связям с молодой советской генетикой³. Сама история, казалось бы, оправдывает такой подход: первые евгенические учреждения, действительно, появились в России только в начале 1920-х гг. и, действительно, были созданы генетиками. Тем не менее в течение двух предыдущих десятилетий, в те годы, когда евгеника делала успешные шаги к институционализации в Западной Европе и Северной Америке и образованию международного движения, евгенические идеи, практики и социальная политика вызвали бурные дискуссии в среде российских врачей, социологов, биологов, антропологов, юристов и педагогов, хотя эти дебаты и не привели к созданию евгенических учреждений, не призывали присоединиться к зарождающему международному движению и не реализовались в принятии специальных евгенических законов.

В данном очерке я рассматриваю первоначальный, «доинституциональный» этап в развитии евгеники в России, уделяя особое внимание реакции на евгенические идеи и идеологию, методы и социальные мероприятия со стороны медицинского сообщества — наиболее активной прослойки российской образованной общественности, заинтересовавшейся западным евгеническим движением. Эта статья преследует две цели. Во-первых, обрисовать процесс «инфильтрации» евгеники в российский дискурс об изменчивости, эволюции, наследственности, размножении и здоровье человека и объяснить, почему, несмотря на активность подобных дискуссий, евгенике не удалось найти институциональную нишу и обеспечить себе законодательную поддержку в царской России. Во-вторых, исследовать природу самого формирующегося международного евгенического движения сквозь призму критики и комментариев российского медицинского сообщества.

Хотя первый русский перевод книги отца-основателя евгеники Фрэнсиса Гальтона «Наследственность таланта» появился ещё в 1870-х гг. (Гальтон, 1874), в последующую четверть века интерес к евгеническим идеям «улучшения человечества» был мало заметен. Тем не менее на рубеже веков (с началом институционализации евгеники в Западной Европе и Северной Америке) евгенические идеи, и, в частности, идеи её основателя, начали проникать в российские дебаты⁴. Насколько

¹ См.: Flitner, 2003; Spektorowski, 2004; Adams, Allen, Weiss, 2005; Kremmentsov, 2006; Rudling, 2014.

² Общий обзор истории российской евгеники в течение трех хорошо различимых периодов её развития: имперского (1900–1917), большевистского (1917–1929) и сталинского (1930–1939), см.: Kremmentsov, 2011; Кременцов, 2014.

³ Единственной известной мне работой, посвящённой российской евгенике в имперский период, является статья Б. Фельдера (2012).

⁴ По сравнению с постоянно растущей и разнообразной литературой по истории евгеники в других странах история евгеники в России сравнительно мало привлекала внимание историков. См. общий обзор Марка Адамса (Adams, 19906) и статьи Кременцова (Kremmentsov, 2011; Кременцов, 2014).

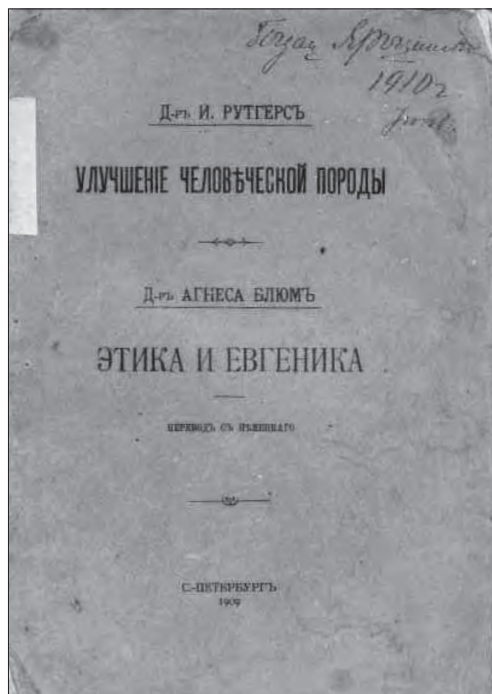

Рис. 1. Титульный лист книг Йоханнеса Рутгерса «Улучшение человеческой породы» и Агнес Блюм «Этика и евгеника» (1909)

Рис. 2. Титульный лист книги Людвика Крживицкого «Психические расы» (1902)

я смог выяснить, само слово «евгеника» впервые появилось в русской литературе в 1902 г. в кратком изложении взглядов Гальтона в труде по антропологии Людвика Крживицкого «Психические расы» (1902, с. 54–73, 212–223)⁵. В последующие годы в различных издательствах вышли переводы работ целого ряда западных сторонников евгеники, включая книги Агнес Блюм, Георга Бушана, Эмиля Дюкло, Альфонса Фишера, Августа Фореля, Курта Гольдштейна, Макса фон Грубера, Карла Пирсона, Эли Перье, Теодюля Рибо, Шарля Рише, и Йоханнеса Рутгерса (см., к примеру: Дюкло, 1904; Пирсон, 1905; Грубер, 1908; Рутгерс, 1909; Блюм, 1909). Молодые профессиональные сообщества российских антропологов, врачей, педагогов, социологов, юристов и биологов заинтересовались евгеническими идеями западных коллег, рассматривая различные аспекты их исследований, практики и идеологии в специализированных и популярных изданиях. В это время врачи, а не биологи, были самой массовой и наиболее активной группой, которая распространяла и обсуждала евгенические идеи, идеалы и проекты.

⁵ Несколькоими годами ранее в «популярно-научной библиотеке» Ф. Павленкова появился русский перевод 350-страничного очерка антропологии, написанного Крживицким в 1891 г. В этом очерке Крживицкий (1896) лишь мимоходом упоминал Гальтона и не использовал термин «евгеника», но достаточно подробно обсуждал идеи «улучшения человечества», выдвигавшиеся различными авторами. Именно в этом очерке Крживицкий впервые предложил термин «антропотехника» для описания подобных идей и проектов.

Эта «инфильтрация» евгеники в российский медицинский дискурс происходила в десятилетие, начавшееся Русско-японской, а закончившееся Первой мировой войной, десятилетие серьезных политических и социальных потрясений и почти непрерывных эпидемий холеры, тифа и чумы⁶. Тяжёлое экономическое положение после катастрофического поражения в войне с Японией (которое привело к почти полному уничтожению российского военного флота и потере нескольких колоний на Дальнем Востоке) обострялось забастовками рабочих и крестьянскими волнениями, а также выступлениями интеллигенции, происходившими на всей территории империи. Напуганный перспективой полномасштабной революции, 17 октября 1905 г. император Николай II издал Манифест, в котором обещал предоставить своим подданным основные гражданские свободы, установить главенство закона и создать российский парламент — Государственную думу — как высший законодательный орган, состоящий из избираемых представителей. Октябрьский Манифест (в сочетании с жесткими действиями полиции и войск против восставших) оказался эффективным в умиротворении населения: к 1907 г. революционный пыл, угрожавший самодержавию, угас. Воспользовавшись создавшимся положением, режим быстро отрёкся от обещаний октябрьского Манифеста: первая Дума была распущена, избирательные законы изменены, а протестовавшие отправлены в тюрьмы и ссылки. Тем не менее, несмотря на подавление общественной и политической деятельности, российские власти начали несколько важных экономических реформ, направленных на развитие промышленности и сельского хозяйства.

Для медицинского сообщества эти годы оказались особенно трудными. Подавляющее большинство российских врачей были служащими, получавшими жалование в государственных учреждениях (в первую очередь в армии и на флоте) или от региональных и муниципальных органов местного самоуправления — земств (Hutchinson, 1982, 1996). Менее четверти российских врачей существовали за счёт частной практики, в основном в крупных городах центральных и западных губерний. Начиная с Великих реформ 1860-х гг. российские врачи старались добиться большей профессиональной автономии и более высокого социального положения. Однако их усилия были сведены на нет поражением революции 1905–1906 гг., в которой многие врачи приняли активное участие: более тысячи из них были уволены, арестованы и отправлены в ссылку⁷. Порождённые октябрьским Манифестом надежды на новые реформы, которые предоставят, наконец, российским врачам искомый социальный и профессиональный статус, не оправдались. Авторитарный режим подтвердил свой абсолютный контроль над всеми вопросами здравоохранения и медицины и отказался признать врачей экспертами, которые определяли бы социальную политику в этой сфере. Однако повторяющиеся эпидемии тифа, чумы, оспы и особенно холеры показали, что такой авторитарный контроль не приводит к развитию здравоохранения и медицины, улучшению эпидемиологической ситуации и улучшению «здоровья нации» в целом.

Именно в этом контексте в российском медицинском дискурсе появляется евгеника. Ознакомлением российской аудитории с евгеникой наиболее активно занимались представители двух специальностей — санитарные врачи (гигиенисты) и психиатры. Редакторы двух влиятельных профессиональных журналов — Николай Фёдорович

⁶ О политической, социальной и экономической ситуации в России в тот период см.: Ascher, 1988, 1992.

⁷ Детальный анализ профессиональных устремлений российских врачей см.: Frieden, 1981; Hutchinson, 1990.

Гамалея (журнал «Гигиена и санитария») и Тихон Иванович Юдин (журнал «Современная психиатрия») — сыграли ключевую роль в этом процессе. Однако, несмотря на активные дискуссии, российские врачи в это время даже не помышляли о присоединении к международному евгеническому движению, созданию евгенических обществ или исследовательских институтов, принятии законов и участии в международных конференциях. Реакция российских медиков на евгенику (и восприятие ими её идей) многое говорит об их профессиональных / дисциплинарных устремлениях и проблемах, равно как и о самом международном евгеническом движении.

В последующих двух разделах я рассматриваю происхождение интереса к евгенике у Гамалеи и у Юдина, соответственно. В третьем — разбираю сходства и различия в их отношении к идеям, идеологии и методам евгеники. В заключительном разделе я анализирую саму природу раннего евгенического движения сквозь призму критики и комментариев его российской аудитории. Реакция российской общественности на евгенические идеи заставляет предположить, что раннему евгеническому движению не хватало единства, и оно было, по сути, лишь набором весьма различных «национальных евгеник», слабо связанных друг с другом⁸. Неупорядоченная смесь различных идей, идеалов, методов, политики, мероприятий и проектов, подпадающих под общую «вывеску» евгеники, предоставляла различным специалистам в России и в других странах возможность выбора, принятия и адаптации ее отдельных элементов в соответствии с их национальными, профессиональными и административными контекстами и повседневными практиками. Я полагаю, что именно отсутствие единообразия и сплоченности, придавало движению особую силу и привлекательность, которые способствовали распространению евгенической «религии» (по выражению её создателя) по всему миру и привели к появлению в первые два десятилетия XX в. «национальных евгеник» во многих странах Западной Европы и Америки⁹. Но не в России.

Повесть о двух городах: бактериология, здравоохранение и евгеника

В 1910 г. евгеника нашла неожиданного сторонника в России — Николая Фёдоровича Гамалею (1859—1949), одного из ведущих бактериологов страны. В тот год Гамалея основал новый профессиональный журнал под названием «Гигиена и санитария», который первым из российских периодических изданий стал систематически публиковать обзоры различных евгенических проблем, рефераты и рецензии евгенических работ и обсуждать возможности приложения евгеники в России. Путь Гамалеи к евгенике было довольно извилист.

Гамалея родился в Одессе в семье состоятельных помещиков¹⁰. Самый младший из двенадцати детей, он закончил элитарную частную гимназию и поступил на естественное

⁸ Это отчётливо отражено и в названии первого евгенического института: Лаборатория *национальной* евгеники Гальтона.

⁹ Недавний обзор истории «международной» евгеники см.: Bashford, Levine, 2010.

¹⁰ Мемуары Гамалеи являются основным источником для реконструкции его жизненного пути и научной деятельности (Гамалея, 1953). Написанные в 1940-х гг., эти мемуары не всегда точны в описании его деятельности в дореволюционный период. Так, Гамалея даже не упоминает о своём

отделение физико-математического факультета Новороссийского университета (его профессором был знаменитый Илья Ильич Мечников). Каждое лето он также проводил несколько месяцев в университете Страсбурга, где слушал лекции и работал в лаборатории биохимии (физиологической химии, как её называли в то время) Эрнста Феликса Гоппе-Зейлера, ведущего специалиста в этой области. Возможно, опыт, полученный в Страсбургском университете, где он посещал лекции и других профессоров медицинского факультета, заставил Гамалею выбрать медицинскую карьеру. После окончания Новороссийского университета в Одессе он поступил в лучшую медицинскую школу империи — в Военно-медицинскую академию (далее — ВМА) в Санкт-Петербурге. Уже имея высшее образование, Гамалея закончил обучение в академии всего за три года. В 1883 г., в возрасте двадцати четырёх лет, он получил диплом и вернулся в Одессу, чтобы начать медицинскую практику. В собственном доме Гамалея создал небольшую хорошо оборудованную лабораторию, вступил в Общество одесских врачей и поступил интерном (без содержания) в Одесскую городскую больницу, специализируясь на нервных и психических расстройствах (см., к примеру: Гамалея, 1885). Казалось, что его карьера уважаемого семейного врача в родном городе была предопределена, но всего через два года «бактериологическая революция» всё изменила.

В июле 1885 г. газеты и журналы разнесли по всему миру сенсационную историю о девятилетнем мальчике, укушенном бешеной собакой и спасённом от неминуемой и ужасной смерти вакциной, разработанной французскими учёными — Эмилем Ру и Луи Пастером. Десятки людей, укушенных бешеными животными, отовсюду стали стекаться в Париж в поисках нового лечения. Туда же приезжали и десятки врачей, которые хотели изучить технику производства и применения вакцины. Русские пациенты и врачи составляли одну из самых больших групп, стремившихся в лабораторию Пастера. Случилось так, что Гамалея стал одним из первых, кому это удалось¹¹.

1 февраля 1886 г. Общество одесских врачей собралось на внеплановое заседание, чтобы обсудить срочное дело: анонимный меценат пожертвовал тысячу рублей — значительную по тем временам сумму — на поездку одесского врача в лабораторию Пастера. Врач должен был основательно ознакомиться с новым методом лечения бешенства, чтобы сделать возможным его применение в России. Даритель специально указал на «доктора Гамалею», как наиболее подходящего исполнителя этой миссии. Кандидатура была поддержана и Мечниковым, бывшим профессором Гамалеи. Члены общества согласились с тем, что Гамалея действительно является идеальным кандидатом: молодой, холостой, свободно говорит на французском (а также немецком, английском и итальянском) и благодаря своему образованию как в области биологии, так и медицины, отлично подготовлен для работы в лаборатории. Председатель Общества

интересе к евгенике. Сходным образом наиболее подробная и объёмная биография Гамалеи, опубликованная в 1954 г., полностью избегает упоминаний об этом предмете (Миленушкин, 1954). Личный фонд Гамалеи в Архиве РАН (Ф. 691) также не содержит материалов, отражающих данную сферу его исследований и интересов. Роль Гамалеи в раннем развитии российской бактериологии рассматривает Элизабет Хектен в своей диссертации (Nachten, 1991).

¹¹ Пастер довольно ревниво относился к приоритету своих исследований и неохотно допускал иностранцев в свою лабораторию. К примеру, в 1882 г. группа российских исследователей, интересовавшихся методами изучения сибирской язвы, не смогла получить доступ в его лабораторию (Федотова, 2012). Ситуация начала меняться к концу десятилетия, с созданием в 1887 г. Пастеровского института, существовавшего на частные, в том числе иностранные, пожертвования (Geison, 1995).

телеграфировал Пастеру, испрашивая для Гамалея разрешение на посещение его лаборатории. Пастер ответил согласием, и десять дней спустя Гамалея был в Париже. Благодаря обаянию и настойчивости Гамалея стал одним из первых иностранных врачей, сумевших проникнуть в святилище Пастера и за четыре месяца детально ознакомиться с его методами. По возвращении на родину Гамалея опубликовал подробное описание методик Пастера, что дало возможность российским врачам получать французскую вакцину против бешенства в собственных лабораториях (Гамалея, 1886, 1887).

Неожиданная стажировка в Париже резко изменила карьеру Гамалея. Он отказался от своего первоначального интереса к неврологии и психиатрии. Быстро развивающаяся бактериология стала его страстью на всю жизнь. В июне 1886 г. при поддержке Мечникова он основал первую в России бактериологическую станцию по образцу лаборатории Пастера и стал её директором¹². В течение нескольких лет он превратил станцию в полноценный бактериологический институт. Следующие два десятилетия Гамалея занимался различными бактериологическими, иммунологическими и санитарными проблемами Одессы и соседних губерний. Он исследовал патогенные микроорганизмы, разрабатывал вакцины, производил анализы питьевой воды и отстаивал необходимость создания новой системы канализации и вывоза отходов в городе, издавал руководства и читал лекции по бактериологии для профессиональной и широкой аудитории (см., к примеру: Гамалея, 1899, 1909). Он занимался изучением инфекционных заболеваний у людей и животных, в том числе бешенства, сибирской язвы, туберкулеза, чумы и холеры. Последняя стала предметом его докторской диссертации, защищённой в ВМА в 1892 г. — во время пика одной из самых смертоносных вспышек этого заболевания в истории России (Гамалея, 1893)¹³.

В течение всех этих лет Гамалея не получал жалования. Он сам и его растущая семья существовали за счёт доходов от наследства. Из тех же средств оплачивалась и значительная часть его исследований. Но к 1909 г. наследство было истрачено, и Гамалея был вынужден поступить на службу. Его репутация крупного бактериолога привлекла внимание Георгия Николаевича Рейна¹⁴, недавно назначенного главы Медицинского совета Министерства внутренних дел (высший медицинский консультативный орган в правительстве), который

Рис. 3. Николай Фёдорович Гамалея, 1890-е гг. (АРАН. Ф. 691. Оп. 2. Д. 102. Л. 2)

¹² О создании бактериологической станции в Одессе см.: Nachten, 1991, 2002; общий (правда, весьма своеобразный) очерк истории развития медицинской микробиологии в царской России, см.: Скороходов, 1948; историю возникновения так называемых Пастеровских станций в России см.: Гамалея, 1910г; Столыгво, 1959.

¹³ Детальный исторический анализ эпидемий холеры в России см.: Henze, 2011.

¹⁴ О Г.Н. Рейне и его роли в истории российской медицины см.: Hutchinson, 1990, p. 82–108.

предложил Гамалею только что созданную должность бактериолога при Медицинском совете. Одновременно городская санитарная комиссия Санкт-Петербурга (высший медицинский орган города) предложила ему пост главного инспектора, ответственного за многочисленные ночлежки и трущобы города. В 1909 г. в возрасте пятидесяти лет Гамалея оставил свою любимую Одессу и переехал в Санкт-Петербург.

Переезд обозначил радикальное изменение в жизни Гамалеи, в его работе и исследованиях. Из независимого исследователя он превратился в высокопоставленного чиновника. Медицинский совет МВД был совещательным органом, не имевшим собственных научно-исследовательских учреждений, и Гамалею потребовалось более двух лет, чтобы создать лабораторию для своих исследований. Таким образом, вместо лабораторной работы в сфере бактериологии и иммунологии, он стал активно заниматься эпидемиологическими обследованиями и организацией профилактических мер против различных эндемических и эпидемических заболеваний, которые свирепствовали в стране в целом и в обширных трущобах её столицы в частности.

Хотя Гамалея был крупным специалистом по эпидемиологии и занимался различными санитарными вопросами в Одессе, в Санкт-Петербурге он столкнулся с совершенно новыми для себя проблемами¹⁵. Два города существенно отличались по своим экономическим, демографическим, климатическим, топографическим и, следовательно, эпидемиологическим профилям. Во второй половине XIX в. как Санкт-Петербург, так и Одесса пережили период необычайно быстрого роста. С 1863 по 1897 г. население Санкт-Петербурга выросло на 240 %, но за это же время население Одессы увеличилось на 340 %, что сделало её не только самым быстрорастущим, но и третьим по величине городом империи (Рашин, 1956)¹⁶. Расположившаяся на плодородных землях теплого Черноморского побережья Одесса была торговой столицей юга России. Её порт был главной артерией постоянно растущего экспорта сельскохозяйственной продукции. В Одессе Гамалея занимался заболеваниями человека и животных, распространёнными в регионе или завозимыми через морской порт. В первую очередь это были чума, холера и сибирская язва (см., к примеру, Гамалея, Белинский, 1903—1904; Гамалея, 1905). Санкт-Петербург, крупнейший город империи, располагался на холодных болотистых берегах Балтийского моря в северо-западной части страны, и был не только административной столицей империи, но и её главным промышленным центром с огромными заводами, железными дорогами и верфями, где работали тысячи и тысячи рабочих. Продолжая работу по борьбе с такими эпидемическими заболеваниями, как холера, оспа и чума, свирепствовавшими по всей стране, в Санкт-Петербурге Гамалея сосредоточил свои исследования на эндемических заболеваниях городских трущоб — прежде всего на сыпном, брюшном и возвратном тифах (Гамалея, 1910б).

Переезд предоставил Гамалею влиятельное положение в медицинской и гражданской бюрократии города и страны и поставил его в центр жарких дебатов на самые разные темы — от планов создания Министерства здравоохранения до пересмотра медицинского и санитарного законодательства и до организации систем водоснабжения и канализации Санкт-Петербурга.¹⁷ Он стал работать в тесном контакте с медицинским

¹⁵ Об урбанизации и проблемах здравоохранения в России в этот период см.: Gleason, 1990.

¹⁶ Рост Одессы замедлился в течение следующих двух десятилетий, и накануне Первой мировой войны она была пятым по величине городом в стране. Обзор истории Одессы в имперскую эпоху см.: Herlihy, 1987.

¹⁷ О российской медицинской бюрократии в этот период см.: Hutchinson, 1990.

сообществом Петербурга — крупнейшей и наиболее влиятельной группой медиков страны, как исследователей, так и практиков. Должность главного инспектора Санкт-Петербургской санитарной комиссии также поставила его во главе активной когорты молодых врачей, ставших его сотрудниками и соратниками¹⁸. Гамалея немедленно организовал неформальное объединение — «Совещание ночлежных врачей», ставшее основным проводником новых идей в решении эпидемиологических и санитарных проблем города (см.: Ночлежные дома... 1910). Он также основал новый профессиональный журнал «Гигиена и санитария», финансирующийся, редактирующийся и в значительной мере заполняющийся его создателем¹⁹. В начале января 1910 г. первый номер журнала вышел в свет.

В редакционной статье, открывающей этот номер, Гамалея повторил диагноз, поставленный не одним поколением российских врачей — империя больна²⁰. Как и многие до него, Гамалея обосновывал этот диагноз чрезвычайно высокими по сравнению с западными странами уровнями рождаемости, заболеваемости и смертности в России. Он так определил основные причины этой тревожной ситуации:

Нет никакого сомнения, что печальное санитарное состояние России тесно связано с ее слабым экономическим, политическим и культурным развитием. Для России ведь типичны не только высокая смертность и распространение заразных болезней, но и громадный % безграмотных, и постоянные голодовки, и господство трехполья, и ничтожная промышленность, отсутствие путей сообщения и т. д. Россия является отсталой, невежественной и бедной, сравнительно со своими соседями, и санитарное состояние ее вполне соответствует этому общему фону картины (Гамалея, 1910а, с. 4).

¹⁸ Сотрудниками городской администрации были более 150 врачей, около половины из них занимали посты школьных инспекторов.

¹⁹ В это время в России выходил лишь один журнал, затрагивавший вопросы гигиены: «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины». Издаваемый при Управлении главного врачебного инспектора МВД, этот журнал, естественно, отражал исключительно официальную, правительственную точку зрения. Другой журнал, «Современная медицина и гигиена», выходивший под редакцией профессора патологии и клиники внутренних болезней М.И. Афанасьева, именно в 1910 г. прекратил свое существование.

²⁰ Гамалея, 1910а. Хотя редакционная статья была опубликована без названия и без подписи, ясно, что написал её именно Гамалея — редактор и издатель журнала.

Рис. 4. Николай Федорович Гамалея, после переезда в Санкт-Петербург, 1910-е гг. (АРАН. Ф. 691. Оп. 2. Д. 102. Л. 3)

Гамалея утверждал, что оздоровление России является главной задачей медицинского сообщества в целом и его журнала в частности (подзаголовок журнала прямо заявлял, что он посвящен «исследованию вопросов оздоровления России») ²¹. Тем не менее, он не прописывал тех обычных лекарств — политических и экономических реформ, — которые яростно защищали большинство его коллег (особенно среди членов их самого влиятельного профессионального объединения — Пироговского общества русских врачей ²²). Гамалея напротив утверждал, что «санитарный прогресс зависит, прежде всего, от санитарных же мероприятий». В качестве доказательства он сравнивал два крупнейших города страны, Москву и Санкт-Петербург, «родные братья <...> по невежеству, нищете и некультурности», однако разительно различающиеся в санитарно-эпидемиологическом отношении: «Благодаря водоснабжению и канализации [в Москве в прошедшем году было] 200 случаев холеры и очень мало брюшного тифа, а С.-Петербург имел около 16-ти тысяч холерных заболеваний и стоит первым из мировых городов по распространению брюшного тифа» (Гамалея, 1910а, с. 4). Этот контраст, по мнению Гамалеи, убедительно показывал, что даже в отсутствие экономических и политических реформ чисто гигиенические меры могут иметь огромное влияние на здоровье населения. Гамалея очертил проблематику журнала, объяснив, что «гигиена» в его названии означает теоретическое и исследовательское знание, направленное на предотвращение болезней, а «санитария» — конкретные приложения этого знания. В душной атмосфере постреволюционной реакции, пожалуй, неудивительно, что заключительная часть редакционной статьи гласила: «Обсуждение политических и экономических реформ» не входит в задачи журнала, «мы сосредоточим все наше внимание на тех санитарных мероприятиях, которые важны для оздоровления России» (там же, с. 5). Среди различных вопросов, которые должны обсуждаться в журнале, Гамалея назвал инфекционные заболевания, чистоту питьевой воды, системы канализации и вывоза отходов, гигиену труда, жилых помещений и школ, демографию, гигиену в армии и на флоте, а также... «генеративную гигиену (евгенику)» ²³.

В том же номере был напечатан подробный обзор евгенических работ — первый из серии подобных (Караффа-Корбут, 1910а). В журнале также имелся библиографический раздел со специальным подразделом по евгенике, где регулярно публиковались рецензии и рефераты недавно изданных западных книг и статей, появлявшихся в таких изданиях, как британский журнал “Eugenics Review”, немецкие “Archiv für rassen- und gesellschafts-Biologie” и “Zeitschrift für Sexualwissenschaft und Sexual-Politik” и французские “La Presse Médicale” и “L’Hygiène Populaire” ²⁴. Среди материалов по данной теме в «Гигиене и санитарии» появился подробный очерк истории евгеники, пространный отчет о работе I Международного евгенического конгресса, состоявшегося в Лондоне в 1912 г., и обзор текущих исследований по наследственности (см.: История евгеники... 1913; Гамалея, 1912а; Кучук, 1912).

Вполне вероятно, что интерес Гамалеи к евгенике пробудился благодаря контактам с молодым талантливым врачом Казимиром Караффа-Корбутом (1878—1935), с которым он познакомился после переезда в Санкт-Петербург ²⁵. Караффа-

²¹ Обсуждение концепции «оздоровления» и её значения для идеологии и деятельности русских врачей, см.: Hutchinson, 1991, p. xv—xx.

²² Детальный анализ деятельности Пироговского общества см.: Frieden, 1981.

²³ Термин «генеративная гигиена» — калька с немецкого выражения “Fortpflanzungshygiene”.

²⁴ См., к примеру: Караффа-Корбут, 1910б; Гамалея, 1910в; Августовский, 1910.

²⁵ Краткую биографию Караффа-Корбута см.: Рафес, 1960.

Корбут был по образованию хирургом (в 1908 г. он защитил в ВМА докторскую диссертацию по хирургическому лечению почечных заболеваний), но нашёл своё истинное призвание в исследовании проблем здравоохранения. Служа хирургом в одной из крупных больниц, он одновременно работал в городской санитарной комиссии в качестве инспектора. В начале своей карьеры Караффа-Кобут также серьёзно увлёкся вопросами применения математических методов в медицине (Караффа-Корбут, 1908). Благодаря этому интересу он и познакомился с биометрическими работами Фрэнсиса Гальтона, Карла Пирсона и их сотрудников из лондонской Лаборатории национальной евгеники. Статистические исследования Гальтона и их нацеленность на «изучение общественных учреждений и мероприятий, которые могут улучшать или ухудшать расовые качества будущих поколений физически и психически» (Galton, 1909, p. 81), явно импонировали молодому математически мыслящему врачу, который исследовал санитарно-эпидемиологические условия городских трущоб и рынков (Караффа-Корбут, 1911, 1912а, б). Когда Гамалея организовал «Совещание ночлежных врачей», Караффа-Корбут стал одним из его самых энергичных и активных участников. Он также стал правой рукой Гамалеи в «Гигиене и санитарии»²⁶. Именно Караффа-Корбут написал для журнала серию статей, в которых рассмотрел цели, методы и идеи британской евгеники и её немецкого варианта «расовой гигиены» (Караффа-Корбут, 1910а)²⁷.

Евгеника заинтересовала и самого Гамалею. Он написал несколько редакционных статей, обсуждавших различные аспекты евгенических исследований и мероприятий, и несколько рецензий на публикации по евгенике (Гамалея, 1910в, д). Кроме того, в конце ноября 1912 г. Гамалея опубликовал большую статью «Об условиях, благоприятствующих улучшению природных свойств людей» (Гамалея, 1912б). Первый Международный евгенический конгресс, состоявшийся в Лондоне в июле того же 1912 г., стал главным стимулом для Гамалеи, чтобы взяться за перо и подробно обсудить его содержание на страницах «Гигиены и санитарии». Статья Гамалеи представляет собой анализ основных евгенических идей «расового вырождения и возрождения», их концептуального обоснования теорией естественного отбора Чарльза Дарвина и представлениями о наследственности, выдвинутыми Фрэнсисом Гальтоном, Августом Вейсманом и Грегором Менделем, а также «отрицательных» и «положительных» евгенических мероприятий для противодействия вырождению и содействия возрождению — всего того, что широко обсуждалось на съезде.

Гамалея ставил под сомнение обоснованность главного евгенического постулата о «расовом вырождении» и рассматривал евгенику просто как приложение «общественной гигиены» к вопросам репродукции человека — «генеративную гигиену». Для Гамалеи развитие евгеники в Великобритании представляло собой кульминацию длительного процесса социальных реформ, которые начались в середине XIX в. с широких преобразований в санитарии и здравоохранении и получили продолжение в законах, касающихся условий труда детей и женщин на фабриках, а затем и всеобщего

²⁶ См. воспоминания одного из сотрудников Санкт-Петербургской санитарной комиссии З. Френкеля (2009, с. 228–229).

²⁷ Судя по содержанию трёх опубликованных статей, Караффа-Корбут изначально планировал более длинную серию, со специальными статьями, посвящёнными биометрике, Гальтону и немецкой расовой гигиене. Однако, хотя третья статья обещала, что «продолжение следует», она оказалась последней. Мне не удалось выяснить причин, по которым серия не была продолжена.

начального образования. По словам Гамалеи, евгеники выступали за расширение этих «гигиенических» реформ в дошкольный, младенческий и пренатальный периоды жизни человека через обширную программу «заботы о будущих матерях». Гамалея подчёркивал, что «Россия, которая пока находится в первом периоде этих социальных реформ [т. е. реформ в области санитарии и здравоохранения. — *Н.К.*], не способна испытывать глубокого евгенического движения, но ей следует, однако, понимать те задачи, которые волнуют ее культурных соседей» (Гамалея, 1912б, с. 361). Через свой журнал он способствовал достижению этой цели: информировал российских гигиенистов о евгенических дебатах и мероприятиях западных коллег.

Увлечённость Гамалеи евгеникой не ограничилась публикациями в «Санитарии и гигиене». Он включил специальный раздел о евгенике в программу «практических курсов для санитарных врачей», проводившихся в его лаборатории в 1912 г.²⁸ В начале ноября того же года Гамалея выступил с серией публичных лекций о евгенике в Юрьеве, где он в это время читал курс бактериологии и гигиены. А обстоятельный обзор этих лекций появился на страницах главной городской газеты, выходившей на эстонском языке (Gamalei, 1912)²⁹. 20 ноября 1913 г. Гамалея также выступил с обширным докладом на тему «Вырождение и возрождение людей по данным евгеники» на заседании Петербургского санитарного общества (Гамалея, 1913а). В конце 1913 г. Гамалея прекратил издание «Гигиены и санитарии»³⁰. Несмотря на недолгую вовлечённость в обсуждение вопросов евгеники, Гамалея и его журнал сыграли заметную роль в пробуждении интереса российских врачей и гигиенистов к данной теме³¹.

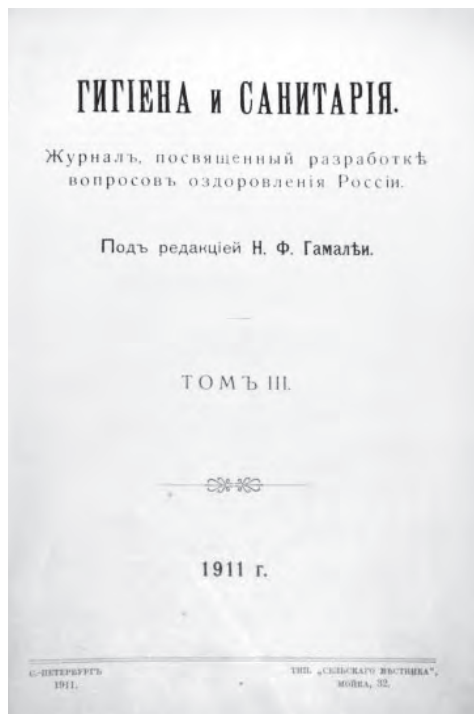

Рис. 5. Титульный лист журнала «Гигиена и санитария»

²⁸ См. объявление о приёме на курсы в адресной книге «Весь врачебный Петербург» (СПб., 1912. С. 105).

²⁹ Я признателен Ю.А. Лайус за помощь в поиске этого редкого издания. Русскоязычные газеты в это время в Юрьеве не выходили из-за забастовки наборщиков, и русскоязычный отчёт о публичных лекциях Гамалеи так и не появился.

³⁰ С 1913 г. Гамалея посвящал всё своё время и силы Санкт-Петербургскому институту оспопрививания, основанному им в конце 1912 г. См. его объёмистое руководство по данному вопросу: Гамалея, 1913б; а также Гамалея, 1915.

³¹ К примеру, в противоположность мнению Б.Ф. Фельдера (2012), я полагаю, что именно Гамалея спровоцировал интерес Е.А. Шепелевского, профессора гигиены и бактериологии в Юрьевском университете, где Гамалея читал лекции в 1911–1913 гг., к дискуссиям и исследованиям в области «расовой гигиены».

Повесть о двух других городах: психиатрия, наследственность и евгеника

Именно тогда, когда Гамалея прекратил свою деятельность по ознакомлению российских врачей с целями и задачами евгеники, евгеника нашла другого сторонника в лице Тихона Ивановича Юдина (1879–1949) — молодого, но уже весьма уважаемого московского психиатра. В начале 1914 г. он стал соредактором журнала «Современная психиатрия» и на его страницах продолжил миссию Гамалеи по популяризации сведений о евгенике среди российских врачей. Но путь Юдина к евгенике был гораздо более прямым и был связан с его профессиональным интересом к роли наследственности в развитии психических заболеваний.

Данные о раннем периоде жизни и карьеры Юдина весьма отрывочны³². В 1903 г. он с отличием окончил медицинский факультет Московского университета и был оставлен при кафедре для подготовки к званию профессора (аналог современной аспирантуры). Он был назначен младшим ординатором в психиатрическую клинику университета, которую возглавлял крупнейший российский психиатр Владимир Петрович Сербский (1858–1917). В клинике Юдин присоединился к группе молодых врачей, включавшей Сергея Алексеевича Суханова (1867–1915) и Петра Борисовича Ганнушкина (1875–1933), которые пытались провести кардинальные реформы своей специальности³³. Они стремились реорганизовать российскую психиатрию как в отношении её административных структур, так и в её научных основах, и выступали за принятие новых нозологических и диагностических принципов, разработанных их выдающимся немецким коллегой Эмилем Крепелиным³⁴. В пьянящей атмосфере первой русской революции вопрос о коллегиальности в управлении психиатрическими учреждениями обсуждался особенно горячо. Члены группы выступали за увеличение роли врачей и младшего персонала и в 1907 г. в знак протеста против авторитарных методов управления её директора покинули клинику Московского университета.

В поисках службы они разъехались по психиатрическим учреждениям страны: Суханов нашел место в психиатрической клинике в Санкт-Петербурге, Ганнушкин — в Московской городской психиатрической больнице (Канатчиково дача), а Юдин — в Харьковской губернской земской психиатрической больнице (Сабурова дача)³⁵. Но они не отказались от планов реформирования своей профессии. В том же 1907 г. они создали новый журнал с громким названием «Современная психиатрия»³⁶. Возглавил

³² Сегодня Юдина помнят в основном как автора солидной монографии по истории российской психиатрии (Юдин, 1951). Увы, за исключением мемориальных статей и коротких заметок в энциклопедиях, называющих его основателем отечественной клинической генетики (Галачьян, 1965; Вартанян, 1979), работ, посвящённых жизни и деятельности этой интересной личности, нет. Мне также не удалось обнаружить личных архивных фондов Юдина.

³³ Группа также включала Александра Николаевича Бернштейна, Михаила Юрьевича Лахтина и Ивана Николаевича Введенского. Деятельность этой группы описана в работе И.Е. Сироткиной (Sirotkina, 2001).

³⁴ В начале своей карьеры с 1886 по 1891 г. Крепелин был профессором психиатрии в Юрьевском университете, что определённо способствовало популяризации его взглядов среди русских психиатров (Burgmair, Engstrom, Weber, 2000–2008, 7 vols.).

³⁵ О работе Юдина в Харькове см.: Кузнецов и др., 2009.

³⁶ В это время в России существовало три периодических издания по психиатрии и неврологии: «Неврологический вестник» (основан в 1893 г. В.М. Бехтеревым, тогда — профессором

редакцию Ганнушкин, а сам журнал стал форумом для обсуждения современных идей в психиатрии. Одной из таких идей была роль наследственности в психических заболеваниях — предмет докторской диссертации Юдина.

Идея, что наследственность играет значительную роль в патологии, и, в частности, в развитии психических заболеваний, имеет долгую историю³⁷. Эмпирические данные о том, что некоторые психические расстройства, например эпилепсия, наблюдаются среди членов одной и той же семьи, сделали наследственность убедительным «объяснением» этого явления, особенно в тех случаях, когда никаких других явных внешних или внутренних поводов (травма, интоксикация и т. п.) к проявлению таких расстройств не обнаруживалось³⁸. На рубеже веков два независимых, но одинаково революционных течения в психиатрии и биологии слились, чтобы придать старой идее новое значение и новый смысл. Новые представления, выдвинутые Дарвином, Гальтоном, Вейсманом, Менделем и их многочисленными последователями, кардинально изменили само понятие наследственности (Müller-Wille, Rheinberger, 2012). Примерно в то же время, новый нозологический диагностический подход Эмиля Крепелина начал вытеснять старую «симптоматическую» психиатрию и глубоко изменил понимание психических заболеваний, особенно психозов. Эти две революции стимулировали попытки некоторых психиатров превратить старый расплывчатый термин «наследственность» во вполне определённую этиологическую категорию, которую можно было бы не просто вписать в диагноз, но и исследовать³⁹.

Ранние публикации Юдина хорошо иллюстрируют это превращение. После поступления в штат психиатрической клиники Московского университета он начал собирать материалы по вопросам наследственного происхождения психических заболеваний. Вполне вероятно, что Юдин выбрал эту тему диссертации по совету одного из старших коллег — С.А. Суханова. Хотя основной сферой научных интересов и темой докторской диссертации самого Суханова была эпилепсия, в 1900 г. он опубликовал большую статью «О психозах у близнецов» (Суханов, 1900). Статья анализировала 29 случаев психических расстройств у близнецов, которые Суханов нашёл в литературе, и подробно описывала тот единственный случай, который Суханов сам наблюдал в клинике и который, вероятно, и вызвал его интерес к предмету. Он пришёл к выводу, что «некоторые случаи» наглядно иллюстрируют существование «врожденной патологической организации нервной системы» и «выдвигают на первое место роль и значение наследственности» в развитии психических заболеваний. По его мнению, поскольку «существует тесная взаимная зависимость наших душевных проявлений от физического строения нашего организма», его изучение близнецов (которые, очевидно, имеют весьма сходное «физическое строение») подтверждает идею о том, что «сходная физическая организация нервной системы дает одинаковые психические расстройства» (Суханов, 1900, с. 352).

Казанского университета); «Обозрение психиатрии, неврологии и медицинской психологии» (основан в 1896 г. Бехтеревым, как профессором ВМА в Санкт-Петербурге) и «Журнал невропатологии и психиатрии» (основан в 1901 г. под редакцией В.П. Сербского в Москве).

³⁷ О ранней истории концепции наследственности см.: Lopez-Beltran, 1994; Müller-Wille, Rheinberger, 2007. Обсуждение взаимосвязей между ранними представлениями о наследственности и «улучшением человечества» см.: Waller, 2001.

³⁸ См., например: Ribot, 1875.

³⁹ Сам Крепелин был активным участником зарождающегося немецкого движения «расовой гигиены». Он, однако, остался сторонником «старых» ламарковских взглядов на наследственность (Engstrom, 2007).

Юдин расширил наблюдения Суханова. Его первая статья, с почти таким же названием, как и работа Суханова, появилась в январе 1907 г. в «Журнале невропатологии и психиатрии» (Юдин, 1907а). Юдин добавил ещё четырнадцать случаев психозов у близнецов, которые были описаны в литературе после того, как Суханов опубликовал свою работу, а также один случай, который ему самому привелось наблюдать в клинике. Он подробно проанализировал все сорок пять историй болезни с использованием диагностических и нозологических категорий Крепелина и отметил сходства и различия в отношении момента проявления, форм и хода развития психических расстройств у близнецов. Юдин попытался разработать схему, которая позволила бы различать роль наследственности и роль таких внешних факторов, как дородовые и послеродовые условия, инфекции, питание и интоксикации в развитии психозов. Однако он не смог прийти к определённом выводу, сгущая на недостаток данных и отсутствие единообразия в доступных описаниях историй болезни. Как и Суханов, Юдин в этой статье не обсуждал наследственность как таковую, ограничив свой анализ исключительно клиническими наблюдениями и результатами анамнеза пациентов.

Следующая статья Юдина, появившаяся в трёх последовательных номерах «Современной психиатрии» в конце 1907 г., была совершенно другой (Юдин, 1907б). Она была названа «О сходстве психозов у братьев и сестер» и основана на материалах, обнаруженных Юдиным в архиве университетской клиники. В ней Юдин проанализировал истории болезни двенадцати пар братьев и сестер, которые проходили лечение в клинике. В восьми случаях он нашёл близкое сходство в форме, интенсивности и продолжительности психозов у братьев и сестер, которые, по его мнению, подтверждали важную роль наследственности в психических заболеваниях. Юдин отметил, что большинство психиатров, ранее исследовавших сходство психозов в семьях, прибегали к ламаркистской интерпретации наследственности. Он утверждал, что в настоящее время необходимо пересмотреть это явление в свете исследований Вейсмана, которые опровергли мнение о наследовании приобретённых признаков. Юдин признал, что «все эти вопросы разрешаются не сходством психозов у братьев и сестер, т. е. сходством в одном поколении, но констатирование этого сходства уже намечает определенный путь к разрешению этих вопросов» (Юдин, 1907б, с. 459).

Переезд Юдина в Харьков лишил его доступа к богатым архивам психиатрической клиники Московского университета. Но вопросы наследственности остались в сфере его внимания, и он продолжал собирать соответствующие клинические случаи (Юдин, 1911). Четыре года спустя на Первом съезде Русского союза психиатров и невропатологов, состоявшемся в Москве в сентябре 1911 г., Юдин представил подробный доклад «О характере наследственных взаимоотношений при душевных болезнях»⁴⁰. Он начал свой доклад с краткого обзора коренных изменений, происшедших в понимании и исследовании наследственности в течение последнего десятилетия: переоткрытия законов Менделя, выдвижении концепций чистой линии, генотипа и фенотипа и многочисленных открытий в экспериментальной эмбриологии и цитологии⁴¹. Юдин заявил, что эти новые открытия требуют изменений в понимании и изучении наследственных причин психических заболеваний. Он утверждал, что «целью исследования

⁴⁰ Юдин опубликовал расширенный и переработанный текст своего доклада через два года (Юдин, 1913а). Эта же статья вышла в «Трудах съезда» на следующий год (Юдин, 1914в).

⁴¹ Главным источником Юдина по этому вопросу был русский перевод книги Оскара Гертвига (Hertwig, 1909), появившийся в конце 1910 г. (Гертвиг, 1910).

наследственности и в патологии должно быть в конце концов выделение “генотипов”, “чистых линий” (по Johansenn’у) с одинаковой, неизменной всегда, хотя и варьирующей в известных пределах, наследственностью». Согласно Юдину эта цель требует принятия новых методов исследования: «индивидуального изучения отдельных семей: изучения хотя бы немногих, но тщательно клинически прослеженных случаев» (Юдин, 1914в, с. 855, 856) путём построения генеалогических таблиц прямых наследственных линий в нескольких поколениях каждой конкретной семьи. Юдин привёл примеры таких исследований, проведённых в Великобритании, Германии, Швейцарии и США, отметив, что в некоторых случаях наследование психических расстройств, вероятно, следует законам Менделя и что во многих случаях такие нарушения наследуются как рецессивные признаки.

Юдин завершил свой доклад анализом двадцати одного случая проявлений психического заболевания в отдельных семьях, которые он собрал во время своей практики в Харьковской клинике. В восьми случаях наблюдения были ограничены одним поколением, и в тринадцати — двумя поколениями одной семьи. Он сетовал, что «в условиях русских земских больниц собирание наследственных данных в высокой степени затруднительно» и, таким образом, его истории болезней могут служить «лишь небольшой иллюстрацией», но не фактическим подтверждением концепций, выдвинутых в западной литературе (там же, с. 861).

После съезда 1911 г. Юдин покинул Харьков, чтобы войти в штат Московской городской психиатрической больницы. Вполне вероятно, что его давний друг Ганнушкин, работавший в этой больнице старшим врачом, способствовал этому переезду. Юдин также стал постоянным членом редколлегии журнала «Современная психиатрия», издававшегося под руководством Ганнушкина и возглавил разделы библиографии и хроники. Интересы Юдина чётко прослеживаются в материалах, которые стали появляться в журнале. Он привлекал рецензентов и сам публиковал обзоры и рефераты исследований о роли наследственных факторов в психических заболеваниях (см., к примеру: Шоломович, 1912а; Юдин, 1913в, г). В начале 1914 г. Юдин стал соредактором Ганнушкина, а в апреле опубликовал свою первую большую статью «Об евгенике и евгеническом движении» (Юдин, 1914б).

Статья Юдина представила российской аудитории обзор состояния евгеники, именно в тот момент, когда Гамалея оставил это поприще, — после Первого Международного евгенического конгресса. Но взгляды Юдина на евгенику значительно отличались от мнения Гамалеи. По Юдину, евгеника — «наука прикладная, зависящая от научных данных, найденных другими теоретическими дисциплинами и прежде всего генетикой — наукой, изучающей наследственность». Как он писал, «генетика направляет и направляет ее курс; успехи евгенического движения за последние годы в значительной степени объясняются и зависят от успехов, сделанных в изучении наследственности» (Юдин, 1914б, с. 319). Юдин подчеркнул, что современные взгляды приписывают наследственности исключительную роль в определении «качества потомства», в то время как весь спектр влияний окружающей среды (от гигиены до образования) способен только модифицировать признаки, которые ребёнок получил от родителей. Ссылаясь на работы Реджинальда Пеннета, профессора генетики Кембриджского университета и редактора “*Journal of Genetics*”⁴², а также Карла Пирсона, главы организованной Гальтоном лондонской Лаборатории национальной

⁴² Всего лишь несколькими месяцами ранее в Москве был издан русский перевод третьего, переработанного и расширенного издания его классического учебника (Punnett, 1911), который Юдин использовал для своего обзора (Пеннет, 1913).

евгеники и редактора журнала "Biometrika", Юдин указывал, что сторонники и менделевской, и биометрической школы в изучении наследственности поддерживают эту точку зрения, которая, таким образом, является научной основой евгенических идей и мероприятий. Юдин отметил, что «это научное убеждение в незначительности влияния внешних условий» способствовало продвижению некоторых «сомнительных идей», таких как превосходство одних рас и неполноценность других, и пропаганде «решительных мер», таких как стерилизация, сегрегация и даже эвтаназия лиц с «плохой» наследственностью (там же, с. 322).

Юдин писал и об отрицательной реакции на такие идеи и меры со стороны различных обозревателей, в том числе российских. Но, как он подчёркивал, было бы неправильно судить всё евгеническое движение по этим «фанатическим» идеям и мерам. Он с одобрением цитировал мнение Уильяма Бэтсона, отца-основателя генетики, о том, что научные знания о наследственности на данный момент слишком отрывочны, чтобы планировать их применение на человеке. Юдин также ссылаясь на мнение Карла Корренса, ведущего немецкого генетика, сыгравшего видную роль в перераскрытии законов Менделя, о том, что большинство «плохих» наследственных признаков (таких, как изучаемые Юдиным психические расстройства) являются рецессивными и остаются «невидимыми» у потомков. И, следовательно, предлагаемый евгениками отбор по этим признакам не может привести к их устранению в потомстве⁴³. Юдин отмечал, что некоторые евгеники были больше заинтересованы в «положительных» евгенических мерах, пытаясь найти пути к распространению «хорошей» наследственности в будущих поколениях. Через пропагандистские кампании они стремились распространить основные евгенические идеи среди населения, чтобы сделать эти идеи частью «бессознательных» общественных обычаев или даже «религиозных догм», и считали, что это помогало бы принимать решения относительно выбора брачных партнеров или числа детей в семье.

Юдин отмечал, что «евгеническое движение широкой волной разлилось по всему культурному миру» (там же, с. 335). Он представил подробный обзор евгенических учреждений, обществ, журналов, мероприятий и законодательных инициатив в Великобритании, Дании, Франции, Германии, Италии, Норвегии, Швеции и США, назвав лидеров национальных евгенических организаций каждой страны и подчеркнув большое разнообразие подходов к достижению конечной цели евгеники (улучшению человеческой

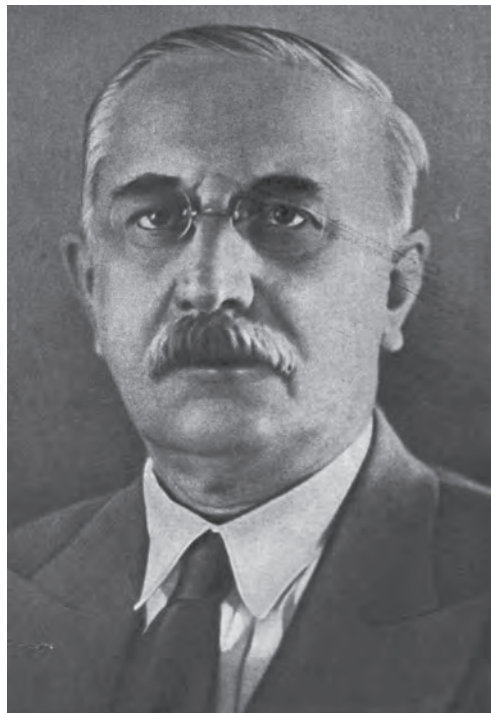

Рис. 6. Тихон Иванович Юдин, 1930-е гг. (Юдин, 1951)

⁴³ Юдин использовал русский перевод книги Корренса (Correns, 1912), который появился несколькими месяцами ранее (Корренс, 1913).

расы), которые защищали её сторонники. Он также отметил некоторые национальные особенности, указав, например, что американские евгеники с гораздо большим энтузиазмом относятся к «отрицательной» евгенике, чем их британские или французские коллеги. Юдин описал усилия по объединению национальных евгенических организаций, которые были предприняты на Первом Международном евгеническом конгрессе в Лондоне и которые, как он был уверен, будут продолжены на следующем международном съезде, запланированном на сентябрь 1915 г. в Нью-Йорке. Он завершил свой обзор осторожным одобрением:

Конечно, в настоящее время теоретическое обоснование и изучение только начинается и еще далеко от того, чтобы на основании существующих знаний мы имели право широко вмешиваться в социальную жизнь, но стремление выдвинуть вперед самую идею необходимости больших забот о здоровье будущих поколений, воспитание человечества в духе этой идеи, ее пропаганда, создание общего настроения, благоприятствующего евгенике, содействие всеми мерами научным изысканиям в этом направлении, может быть, окажется плодотворной для всего человечества. Во всяком случае евгенические идеи заслуживают серьезного внимания и изучения (Юдин, 1914б, с. 336).

Несомненно, сам Юдин планировал уделить «серьезное внимание» таким идеям в своей области — в психиатрии. В июне он опубликовал подробный обзор новейшего, принятого в апреле 1914 г., британского закона об умственно отсталых, который евгеники приветствовали как победу их кампании по информированию общественности об опасности слабоумия для здоровья нации (Юдин, 1914а). Но Первая мировая война, разразившаяся в августе, положила планам Юдина конец: он был призван в армию и отправился на фронт⁴⁴.

Избирательность притяжения и сила слабых связей

Что мы можем вынести из интереса Гамалеи и Юдина к евгеническому движению? Почему два эти представителя совершенно разных медицинских специальностей считали данную тему достойной внимания своих дисциплинарных сообществ?

Для российских наблюдателей исходной точкой притяжения было то, что евгеника возникла и развивалась в «культурных» странах Запада. И Гамалея, и Юдин подчёркивали этот факт и последовательно использовали термин «культурный» в своих обзорах. Многие представители российской образованной общественности считали свою страну отсталой, недостаточно развитой и «некультурной» по сравнению с западными соседями. Это отношение чётко отражено в цитированной выше редакционной статье Гамалеи 1910 г. Катастрофическое поражение в Русско-японской войне 1904–1905 гг. усугубило такое восприятие. Как Гамалея отмечал в той же статье, «на наших глазах, бедная и невежественная Япония оставила позади себя столетия варварства и стала в центре прогресса и культуры», что (как подразумевалось), несомненно, способствовало военному триумфу крошечной Японии над огромной, но отсталой империей (Гамалея, 1910а, с. 4).

В течение последних десятилетий XIX в. российские специалисты внимательно следили за западными разработками во всех сферах жизни, будь то наука, образование,

⁴⁴ Юдин смог вернуться к своим исследованиям только после Октябрьской революции 1917 г.

промышленность, сельское хозяйство, военное дело, право, медицина или социальная политика. Они публиковали рефераты, обзоры и анализы новейших западных достижений на страницах таких влиятельных журналов, как «Вестник Европы», «Русское богатство» и «Русская мысль», которые были обязательным чтением русской интеллигенции. Они тщательно исследовали конкретные модели западных достижений и горячо обсуждали необходимость и применимость таких моделей в российских условиях.

Русские врачи, в частности, традиционно считали себя «учениками» западных коллег. Зарубежная поездка (на один или два года) была важной частью подготовки к профессорскому званию в медицине (и естественных науках в целом)⁴⁵. Практически все представители российской медицинской элиты в начале своей карьеры проводили какое-то время за границей, посещая курсы и проводя исследования под руководством выдающихся специалистов в клиниках и университетах Германии, Франции, Австро-Венгрии и Швейцарии, а также (в меньшей степени) Великобритании, Италии и США. Хотя большинство российских врачей бегло читали на французском и немецком, они регулярно переводили на русский язык новейшие западные монографии и систематически публиковали рефераты и рецензии на западные работы в специализированной периодике. В 1880–1890-х гг. даже выходил специальный журнал «Международная клиника», целиком посвящённый переводам текущей западной литературы. Кроме того, на рубеже веков значительное число российских учебников по различным медицинским специальностям оставались переводами или компиляциями немецких и французских⁴⁶.

«Западный характер» ранней евгеники и сам факт (который отмечали и Гамалея, и Юдин), что евгеническое движение охватывает почти все страны «культурного мира», очевидно, привлекал внимание российских специалистов. Кроме того, участие (как фактическое, так и символическое) ряда видных западных врачей и учёных существенно усиливало привлекательность евгеники для российских коллег. Заявления евгеников о том, что эволюционная теория Чарльза Дарвина является научным фундаментом их доктрин, также выступали весомым аргументом в пользу евгеники в глазах российских врачей и натуралистов, которые почти поголовно считали себя дарвинистами⁴⁷. Российские эксперты постоянно подчёркивали тот факт, что отец-основатель

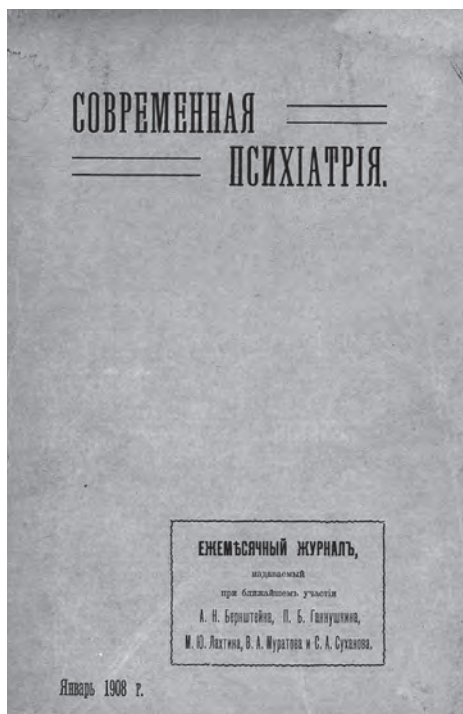

Рис. 7. Титульный лист журнала «Современная психиатрия»

⁴⁵ Подробный анализ этого явления см.: Дмитриев, 2012.

⁴⁶ См.: к примеру, систематический каталог книг библиотеки ВМА за период 1870–1898 гг. (Скориченко, 1901–1903, в 4 т.) и каталог студенческой библиотеки ВМА (Скориченко, 1904).

⁴⁷ О восприятии Дарвина в России см.: Todes, 1989; Vucinich, 1988.

евгеники Фрэнсис Гальтон был двоюродным братом Чарльза Дарвина, а сын Чарльза Дарвина Леонард был председателем и Британского общества евгенического образования, и Первого Международного евгенического конгресса.

И Гамалея, и Юдин воспринимали евгенику как *движение*, которое объединяло науку, идеологию и политику, отмечая значительные отличия этого движения в отдельных странах, наиболее ясно выраженные в его различных национальных названиях. Оба пытались выявить общие черты на фоне разнообразия «национальных евгеник», дать своим читателям четкое понимание целей, действий, идеалов, методов исследований, научных оснований и гипотез евгеники и в то же время оценить их применимость в российских условиях.

Ведущие эксперты в своих дисциплинах и влиятельные члены российского медицинского сообщества, объявившего оздоровление страны и её населения своей основной задачей, и Гамалея, и Юдин, разумеется, считали конечную цель евгеники — «физическое и психическое» улучшение человечества — весьма привлекательной. В качестве нового направления западного дискурса об изменчивости человека, его эволюции, наследственности и здоровья, которые могут иметь важные последствия для социальной политики и «здоровья нации», евгеника, с точки зрения многих российских врачей, попадала в разряд западных моделей, заслуживающих серьёзного рассмотрения. Особый интерес к «будущим поколениям», здоровью матери и ребёнка, ясно различимый во многих ранних евгенических дебатах и мероприятиях (например, в конкурсах младенцев), также резонировал с глубокой обеспокоенностью российских врачей чрезвычайно высокой младенческой и материнской смертностью и заболеваемостью в империи.

Однако и Гамалея, и Юдин скептически относились к идее «расового вырождения» как обоснованию необходимости и срочности евгенических действий и, в частности, к применимости этой идеи для России. Прежде всего, оба понимали термин «раса» как относящийся к человечеству в целом. Отстаиваемая многими западными евгениками доктрина расовой иерархии — о «врождённом» превосходстве одних и неполноценности других рас — имела весьма ограниченное число последователей в России⁴⁸. Так, Гамалея совершенно игнорировал явный расистский подтекст ранней евгеники, а Юдин утверждал, что движение в целом не следует судить по таким случайным, «фанатичным» как он их назвал, интерпретациям. Другие российские авторы, однако, были более критичны. Исаак Шкловский, известный журналист, освещавший для российской прессы Лондонский съезд 1912 г., в репортаже, опубликованном в «Русском богатстве» под говорящим названием «Звериная философия», резко заявлял: «Все те, будто бы научные, данные, на которых основывается учение о высших и низших расах, не выдерживают критики по той простой причине, что антропология не знает чистых рас» (Дионео, 1912, с. 302).

Для многих западных сторонников евгеники главным симптомом «расового вырождения» было снижение рождаемости в целом и среди «более благополучных» классов в частности, которое они наблюдали по данным демографической статистики своих стран. Таким образом, одной из их главных целей было повышение рождаемости, особенно среди «высших» классов. Но этот признак «расового вырождения» оказался неприменим к Российской империи, в которой уровень рождаемости намного опережал таковой её западных соседей. Хотя Гамалея в своём обзоре отметил незначительное снижение рождаемости в последние десятилетия, он указал, что главной

⁴⁸ Общий очерк истории физической антропологии и концепции «расы» в Российской империи, см.: Могильнер, 2008; а также Knight, 2012.

проблемой в глазах российских врачей является не падение рождаемости, а ужасающе высокая смертность и заболеваемость среди детей и матерей.

Ещё одним важным симптомом «наследственного вырождения», который беспокоил западных евгеников, было распространение «социальных болезней» — преступности, слабоумия, проституции, алкоголизма, венерических и туберкулезных заболеваний, самоубийств, пауперизма и т. д. По их мнению, они коренились и множились благодаря «плохой» наследственности, особенно среди «низших» классов. Большинство российских авторов, однако, связывали эти «социальные болезни» не с биологическими факторами (в данном случае наследственностью), а прежде всего с социальными, политическими и экономическими причинами⁴⁹. Например, осенью 1910 г. «Вестник Европы» опубликовал статью В.М. Бехтерева, видного российского невропатолога и психиатра, которая была ничем иным, как грозной филиппикой против капитализма и самодержавия, как главных факторов, ответственных за рост числа психических заболеваний в России. Признавая, что наследственность играет определённую роль в развитии психических расстройств, Бехтерев утверждал, что «капиталистический строй — вот основное зло нашего времени» (Бехтерев, 1910, с. 306), и связывал рост «алкоголизации» населения с бюджетной политикой царского правительства, которое сделало налог с продажи водки основным источником государственных доходов⁵⁰. Показательно, что Гамалея посчитал необходимым опубликовать обширный хвалебный обзор выступления Бехтерева на страницах своего журнала (Зейлигер, 1910). Гамалея также опубликовал длинную статью, написанную профессором Томского университета Н.Я. Новомбергским, известным юристом, социологом и историком медицины, которая называла в качестве ведущей причины «вырождения» игнорирование российским правительством вопросов детского здоровья (Новомбергский, 1913).

Юдин, в свою очередь, жестко критиковал саму концепцию «наследственного вырождения», отмечая, что её автор Бенедикт Огюстен Морель исходил в своих рассуждениях из ламаркистского представления о наследовании приобретённых признаков⁵¹. По Юдину, современные исследования в области генетики основательно подорвали это представление, что сделало всю концепцию устаревшей. В доказательство своей позиции Юдин ссылаясь на обширные исследования «наследственности и физических признаков вырождения», проведённые его казанским коллегой Александром Сергеевичем Шоломовичем. Шоломович не нашел различий между психически больными и здоровыми людьми в распространённости «дегенеративных характеристик», предложенных Морелем (Шоломович, 1913)⁵².

⁴⁹ Существует обширная литература, посвящённая отношению россиян к таким «социальным болезням», например: Engelstein, 1994; Herlihy, 2002; Morrissey, 2012 и многие другие. Ни одна из этих работ, однако, не рассматривает евгенические дискуссии по данным вопросам.

⁵⁰ См. также объемную статью с говорящим заголовком «Общественное здравоохранение и капитализм», написанную для журнала Пироговского общества известным врачом Львом Грановским: Грановский, 1907.

⁵¹ Об истории концепции вырождения см.: Chamberlin, Gilman, 1985; Pick, 1989. О восприятии морелевской концепции вырождения в России см.: Beer, 2008. Последняя работа, однако, является неудачной попыткой контекстуализации российского восприятия концепции Мореля и совершенно игнорирует её роль в евгенических дебатах того времени. См. критические рецензии на эту книгу: Todes, 2009; Mogilner, 2010; Krementsov, 2010.

⁵² Юдин (1913б) опубликовал обзор монографии Шоломовича в «Современной психиатрии» и, отметив некоторые методологические недостатки, решительно поддержал её основные выводы.

Скептицизм Гамалеи и Юдина относительно самого понятия «расового вырождения», возможно, также помешал им серьёзно отнестись к «классовой» предвзятости, фундаментальной для многих ранних евгенических исследований и инициатив. Ни тот, ни другой не уделяли ей никакого внимания в своих обзорах. Другие российские обозреватели, однако, сделали акцент именно на этом аспекте евгенических построений. Князь Петр Кропоткин, натуралист и теоретик анархизма, который в то время жил в изгнании в Великобритании, принял участие в Лондонском конгрессе 1912 г. Он произнёс страстную речь, отражавшую настроения, популярные в среде российской интеллигенции: «Кого же считать неприспособленными [unfit], — восклицал он, — рабочих или бездельников? Женщин из народа, самостоятельно выкармливающих своих детей, или же леди высшего света, неприспособленных к материнству из-за их неспособности исполнять все обязанности матери? Тех, кто производит дегенератов в трущобах, или же тех, кто производит их во дворцах?». Кропоткин был категорически против неоднократно звучавших на съезде предложений о стерилизации «неприспособленных»: «Прежде чем рекомендовать стерилизацию слабоумных, неудачников, эпилептиков (Достоевский был эпилептиком), не было ли их [евгеников. — *Н.К.*] обязанностью изучить социальные корни и причины этих болезней?». Он утверждал, что такие социальные меры, как создание здорового жилья и уничтожение трущоб, «позволят улучшить зародышевую плазму нового поколения более, чем любое число стерилизаций» (Kropotkin, 1912, p. 51)⁵³. В статье о евгенике, появившейся в одной из российских энциклопедий, антрополог Крживицкий вторил мнению Кропоткина, подчёркивая, что «отрицательные» евгенические меры, такие как стерилизация или сегрегация, являются лишь «орудием узкого классового мировоззрения» (Крживицкий, 1914, с. 100).

И Гамалея, и Юдин настаивали на том, что российским медикам (и образованной общественности в целом) необходимо знать, что такое евгеника и какие действия предлагаются и осуществляются от её имени. Но они тщательно придерживались статуса беспристрастных наблюдателей, а не пропагандистов. Ни тот, ни другой не призывали своих коллег присоединиться к евгеническому движению, принять участие в его съездах, организовать евгеническое учреждение (общество, журнал или лабораторию) или выступить за принятие евгенических законов. Хотя «Врачебная газета» (ведущий медицинский журнал страны) опубликовала объявление о предстоящем в 1912 г. Международном евгеническом конгрессе задолго до его начала, ни один русский врач на нём не присутствовал (1-й Международный ... , 1911)⁵⁴.

Несмотря на эти многочисленные общие черты, обзоры Гамалеи и Юдина создают впечатление, что они написаны о двух различных явлениях. Действительно, оба употребляли даже разные названия для описания евгенического движения. В то время как Гамалея часто использовал выражения «расовая гигиена» и «генеративная гигиена» как синонимы «евгеники», Юдин настаивал на том, что «евгенетика», а не «евгеника» является наиболее подходящим наименованием движения⁵⁵. Каждый из них акцентировал внимание на тех компонентах / элементах / принципах евгеники,

⁵³ Об отношении Кропоткина к генетике и евгенике см.: Girón, 2003.

⁵⁴ Характерно, что в объявлении термины «евгеника» и «расовая гигиена» использовались как синонимы. Два русских врача присутствовали на другом конгрессе по «генеалогии, наследственности и расовой гигиене», организованный психиатром Р. Соммером (Robert Sommer) в апреле 1912 г. в Гиссене (Шоломович, 1912а, б).

⁵⁵ Русифицированная версия французского термина «eugénétique», ставшего названием главного евгенического журнала Франции.

которые наиболее соответствовали его собственным профессиональным интересам. Каждый из них стремился продемонстрировать актуальность определённых аспектов евгеники для собственной медицинской специальности, главных проблем и задач своей дисциплины и своих личных научных интересов. И сама возможность использования евгеники для этих целей, конечно, сыграла свою роль в привлечении внимания российских комментаторов к раннему евгеническому движению.

Для Гамалеи, евгеника была, главным образом, *приложением гигиены* к новой — репродуктивной — сфере и таким образом дополняла гигиену труда, жилища, школы, армии, флота и все другие существующие «варианты» гигиены как теоретической, исследовательской и практической деятельности, направленной на предотвращение болезней. Для Юдина же, евгеника была, прежде всего, *приложением генетики* к вопросам человеческого (в первую очередь, психического) здоровья. На самом деле каждый из них сосредоточил внимание на разных составляющих евгеники. Гамалея был заинтересован в *общей идеологии*, лежащей в основе евгенического дискурса: предотвращении и в конечном счете ликвидации, «социальных болезней», таких как преступность, алкоголизм, венерические заболевания или слабоумие, якобы коренившихся в наследственности. Внимание Юдина было направлено на *научные обоснования* этой идеологии — изучение роли наследственности в «социальных болезнях» и особенно в психических заболеваниях — предмете его собственных исследований.

Два этих медика по-разному относились и к третьей составляющей евгеники — *социальной политике* — как к конкретным *действиям*, направленным на достижение евгенических целей улучшения человечества (таким как пропаганда, стерилизация, регулирование брака или сегрегация), так и к конкретным *действиям*, могущим такие действия осуществить, в первую очередь к государству. Гамалея придерживался нейтральной позиции, просто пересказывая государственные законы о стерилизации, принятые в Швейцарии и США. Юдин же критиковал такую политику и, опираясь на мнение генетиков Бэтсона и Корренса, утверждал, что современные знания совершенно недостаточны для принятия подобных законов. Он одобрительно цитировал уничижительную оценку евгенической стерилизации своего петербургского коллеги С.А. Преображенского. В статье, опубликованной в 1912 г. в «Современной психиатрии» под характерным названием «Хирургическая профилактика вырождения», Преображенский решительно заявлял, что «врачебно-общественная мысль, воспитанная под влиянием таких великих гуманистов, как Н.И. Пирогов, и всегда правильно ценившая значение социально-экономических основ общественного здоровья, всегда

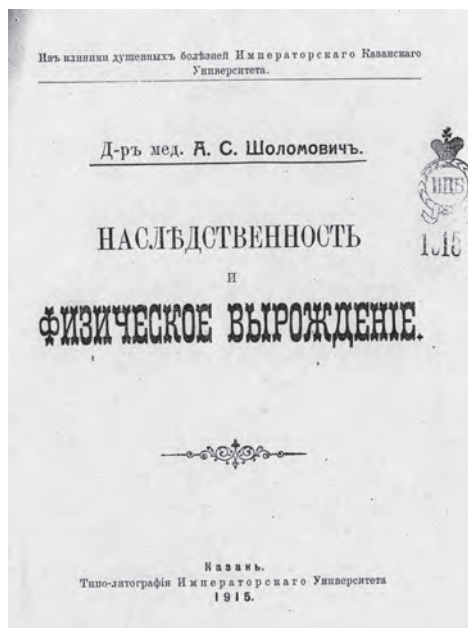

Рис. 8. Титульный лист книги Александра Шоломовича, «Наследственность и физическое вырождение» (1915)

будет отвергать участие врача в подобных случаях [таких как принудительная стерилизация заключённых и пациентов психиатрических лечебниц. — *Н.К.*]» (Преображенский, 1912, с. 116)⁵⁶.

Вполне вероятно, что эти различия были следствием различий в медицинской специализации Гамалеи и Юдина, их личном опыте и профессиональных позициях. Особенно наглядно это выразилось в их отношении к роли государства в осуществлении евгенических мероприятий и, соответственно, к его роли в достижении главной цели медицинского сообщества — оздоровления России. Как независимый исследователь-бактериолог в Одессе, а затем высокопоставленный чиновник в сфере здравоохранения в Санкт-Петербурге, Гамалея благосклонно относился к идее о том, что государство имеет право принимать меры в области «генеративной гигиены» так же, как оно уже принимает меры в отношении инфекционных заболеваний, занимается регулированием гигиены в сфере жилья, труда, транспорта и т. д. Вероятно, его собственный опыт работы во время эпидемий холеры 1890–1900-х гг. сыграл определённую роль в формировании такой позиции. Эпидемии стали причиной «холерных бунтов», которые нередко приводили к убийствам врачей, пытавшихся остановить распространение болезни и помочь заболевшим. Регулярно прокатывавшиеся по всей империи эпидемии продемонстрировали полную некомпетентность местных властей и их неспособность остановить распространение инфекционных заболеваний. Этот опыт, вероятно, убедил Гамалею в необходимости сильного центрального органа, способного эффективно противостоять повторяющимся эпидемиям⁵⁷. Гамалея принадлежал к тому явному меньшинству российских врачей, которое выступало за усиление роли центрального правительства во всех сферах медицины и здравоохранения. Он активно поддерживал идею Г.Е. Рейна о создании специального Министерства здравоохранения (Гамалея, 1910-е). Он определённо видел в центральном правительстве источник власти, необходимой для реализации мер, предлагаемых экспертами для оздоровления «отсталой» империи.

В противоположность этому, как психиатр сначала земского (в Харькове), а затем муниципального (в Москве) учреждения, Юдин по собственному опыту знал, что врачу приходится постоянно маневрировать, решая вопросы с представителями центральных и местных властей (и непрофессионалами в целом) по управлению клиникой и лечению пациентов⁵⁸. Вместе с большинством врачей-психиатров он смотрел и на центральное правительство, и на местных бюрократов как на угрозу автономии и авторитету своей профессии. Юдин принял активное участие в создании Русского союза психиатров и неврологов и в организации его первого съезда в 1911 г., целью которого было расширение полномочий врачей в сфере психиатрии — в исследованиях, лечении и управлении клиниками⁵⁹. Он разделял мнение многих российских

---

⁵⁶ Вероятно, Юдин, как соредатор журнала, способствовал появлению этой статьи, которая была первоначально представлена в качестве доклада на научном собрании врачей Новознаменской больницы в Санкт-Петербурге. И Преображенский, и Юдин интересовались исследованиями близнецов: в 1910 г. Преображенский вслед за Сухановым и Юдиным опубликовал работу по психозам у близнецов.

⁵⁷ Об эпидемиях холеры и их роли во взаимоотношениях врачей и чиновников см.: Henze, 2011.

⁵⁸ Многие земские врачи противопоставляли земскую медицину государственной, как более эффективную, и всячески ратовали за ее расширение. Психиатры, однако, находились в особом положении, поскольку земства весьма неохотно выделяли средства на психиатрические учреждения. См.: Юдин, 1951.

⁵⁹ Общий обзор профессионализации российской психиатрии см.: Brown, 1981, 1985, 1987, 1996.

врачей о том, что их профессиональные знания давали именно им исключительное право принимать решения по всем вопросам медицины, управлять медицинскими службами и организацией мер в сфере здравоохранения, оставляя за государственными органами лишь обязанность финансировать эту деятельность и оказывать ей административную поддержку. Естественно, что и в обсуждении евгеники Юдин, по сравнению с Гамалеей, уделял гораздо больше внимания «положительным» евгеническим мерам, осуществлявшимся не во исполнение специальной политики государства (такой как законы о насильственной стерилизации, к примеру), а благодаря добровольному выбору хорошо информированных людей. Он, например, особо выделил тот факт, что британский закон о психически неполноценных включал специальные положения по защите прав личности.

«Евгенический интернационал» глазами российских врачей

Поразительная разница в том, как Гамалея и Юдин описывали и оценивали евгенику, объясняется не только различиями в их медицинской специализации, личном опыте и профессиональной позиции. Она также отражает отсутствие единства в самом раннем евгеническом движении. То, что российские наблюдатели могли использовать отдельные аспекты евгенических идей, методов и риторики в своих профессиональных дискуссиях и исследованиях показывает, что ранняя евгеника была очень слабо организованным движением. В нём отсутствовала стандартная терминология, универсальная методология и последовательная общепринятая концептуальная основа. Международная евгеника была скорее смесью отдельных «национальных евгеник», каждая из которых имела свои национальные корни, траекторию развития, покровителей, учреждения и цели. Это чётко проявляется, в числе прочего, в различных названиях, использовавшихся для обозначения этого движения: англо-американские “eugenics” и “euthenics”; немецкие “Rassenhygiene” и “Fortpflanzungshygiene”; и французские “eugénétique” и “puériculture”⁶⁰.

Что ещё важнее, доклады и дискуссии Лондонского конгресса 1912 г. ясно показали, что главные действующие лица движения не были особенно заинтересованы в стандартизации и унификации своих идей, научно-исследовательских практик (сбора и анализа данных) и мероприятий. Как утверждал Леонард Дарвин в своём президентском обращении, «в такой новой сфере, как евгеника, неизбежно существуют разногласия относительно необходимых методов, и только внимательное рассмотрение всех этих различных мнений позволит найти правильный путь к прогрессу» (Darwin, 1912, с. 2). Это разнообразие мнений позволило российским авторам выбирать наиболее привлекательные идеи из общего фонда, существовавшего под общей вывеской евгеники, свободно перемешивая англо-американскую «евгенику» с немецкой «расовой гигиеной», французской «евгенетикой» или итальянской «уголовной антропологией»⁶¹.

⁶⁰ Другую интерпретацию истории раннего евгенического движения см.: Kühn, 2013.

⁶¹ К примеру, анализ Б. Фельдером работ другого русского сторонника евгеники — Шепилевского — убедительно показывает, что Шепилевский фокусировал своё внимание на немецкой расовой гигиене и в значительной мере игнорировал англо-американскую и французскую «национальные» версии евгеники. См.: Фельдер, 2012.

Отсутствие стремления к единообразию мнений, методов и концепций среди ранних евгеников поднимает вопрос о фактических целях их усилий, направленных на созыв международных конгрессов, создание международных организаций и, таким образом, на объединение различных «национальных евгеников» в единое международное движение, а также об их успехах и неудачах в распространении евгенической «религии» на местном и международном уровне. В своём анализе «транснационального евгенического движения» социологи Дебора Барретт и Чарльз Курцман связали успех ранней евгеники на международной арене с появлением «глобальной культуры», которая была созвучна основным задачам этого движения (Barrett, Kurzman, 2004). Они определили два основных компонента этой глобальной культуры: идеология государственности и идеология личности. По их мнению, идеология государственности в этот период включала рост вмешательства государства во все новые сферы общественной и индивидуальной жизни, такие как семья, образование, здравоохранение, иммиграция и эмиграция и т. д., расширяя таким образом сферу деятельности государства далеко за пределы таких традиционных областей государственной власти, как оборона, правопорядок и налогообложение. Идеология же личности признавала «полноправной личностью» только владеющего собственностью мужчину (в колониях — только европейского происхождения) и включала жесткую иерархию населения в соответствии с «врождёнными» этническими, расовыми, классовыми и гендерными характеристиками. По мнению Барретт и Курцмана, эти идеологии пронизывали глобальную культуру того времени и оказались весьма созвучны ранней евгенике. Именно они и обеспечили успех евгеники как *международного* движения.

Можно предположить, что эти же факторы могли бы объяснить не только «глобальный успех», но и некоторые «локальные неудачи» евгеники. Как мы видели, идеологии государственности и личности, описанные Барретт и Курцманом, оказались в значительной мере неприемлемы для российских критиков евгеники. Многие из них считали вмешательство российского самодержавного государства нежелательным и угрожающим их профессиональным устремлениям⁶². В то же время большинство российских критиков евгеники считали социальные иерархии, построенные на основе «биологических», «врождённых» характеристик (по классу, расе или полу), необоснованными. Как мы видели, российские наблюдатели были критически настроены против евгенических концепций класса и расы. Передовая часть российской интеллигенции также отвергала дискриминацию по признаку пола, которая занимала столь важное место в евгенике⁶³. Например, статья, опубликованная в «Русской мысли» под характерным названием «Биологи о женском вопросе», отрицала идею «биологической неполноценности» женщин⁶⁴. Такая идеологическая несовместимость, вероятно, сыграла значительную роль в неуспехе ранней евгеники среди российских специалистов.

Российские публикации о раннем евгеническом движении также заставляют предположить, что в анализ Барретт и Курцмана можно добавить ещё один компонент:

⁶² Общий анализ отношения российской образованной элиты к государственной власти см.: Bradley, 2002.

⁶³ О евгенике и гендерных вопросах см.: Stern, 2010; Klausen, Bashford, 2010.

⁶⁴ Оболенский, 1893. Об отношении российской интеллигенции к «женскому вопросу» в целом см.: Stites, 1978. Попытку проанализировать отношение российских евгеников к гендерным и этническим вопросам см.: Kohtz, 2013. К сожалению, статья рассматривает исключительно советский период.

идеологию научного интернационализма⁶⁵. Как мы видели, «международный характер» евгеники явился важной точкой притяжения для российских наблюдателей. Учитывая состав раннего движения (в основном ограниченный представителями образованных профессий — медиками, юристами, педагогами — и включавший ряд видных учёных) и вместе с тем настойчивые утверждения, что евгеника — это наука, такая идеология, вероятно, сыграла свою роль в успехе движения на национальных и международной сценах⁶⁶.

Десятилетия перед Первой мировой войной были временем расцвета научного интернационализма. Они характеризовались ростом числа международных конференций, журналов, экспедиций и обществ практически во всех научных дисциплинах (Schroeder-Gudehus, 1989). Новый «научный интернационал» был основан на понятии универсальности научных знаний и направлен, в первую очередь, на создание и поддержание дисциплинарного консенсуса в отношении методов исследований, объектов, понятий и терминов в конкретных областях знаний. Вместе с тем вовлечённость в подобные международные проекты придавала их участникам определённый престиж и особый статус в их национальных сообществах. Как показывают многочисленные исследования «международной науки», престиж и авторитет, связанный с участием в международных мероприятиях и обществах, оказался важным фактором продвижения «национальных» интересов учёных, например, в получении поддержки от меценатов или мобилизации местных ресурсов (см., к примеру: Salomon, 1989; Weindling, 1995; Kremontsov, 2005).

Можно предположить, что хотя многие активисты международного евгенического движения не были особенно заинтересованы в установлении дисциплинарного консенсуса и унификации своих взглядов и действий, они, безусловно, стремились извлечь выгоду из авторитета и престижа, связанного с «международной наукой». Заметное увеличение числа публикаций по евгенике в российской специальной и популярной периодике после Лондонского съезда показывает, что съезд достиг этой цели: он привлек пристальное внимание многих наблюдателей. Это положение может быть также проиллюстрировано развитием национальных евгенических организаций во Франции, Италии и скандинавских странах вскоре после съезда⁶⁷. В основном те же самые специалисты, которые приняли участие в работе съезда, возглавили это развитие. Их участие в международном съезде, очевидно, было весомым аргументом для того, чтобы убедить местных патронов и коллег в необходимости организовать «национальную евгенику» в своих странах. К примеру, первое заседание Постоянного Международного евгенического комитета в Париже в 1913 г., безусловно, способствовало созданию евгенических организаций во Франции и Бельгии (Бельгия должна была принять следующее заседание в 1914 г.) и продвижению их «национальных» программ⁶⁸.

---

⁶⁵ Участие некоторых сторонников евгеники (например, Дэвида С. Джордана) в зарождении «движения за мир» позволяет предположить, что общая идеология «международного диалога» также сыграла свою роль в успехах международной евгеники перед и особенно после Первой мировой войны.

⁶⁶ См., к примеру: Weindling, 1989, 1999; Bashford, 2010.

⁶⁷ Общий очерк истории евгеники во Франции см.: Schneider, 1990; Carol, 1995; в Италии: Cassata, 2011; в Скандинавии: Broberg, Roll-Hansen, 1996.

⁶⁸ Сходным образом послевоенные совещания Комитета (позднее — Международной федерации евгенических организаций — International Federation of Eugenic Organizations), проходившие в Нью-Йорке (1921), Брюсселе (1922), Лунде (1923), Милане (1924), Лондоне (1925), Париже (1926), Амстердаме (1927), Мюнхене (1928) и Риме (1929), безусловно, способствовали росту «национальных евгеник» в принимающих странах, а также распространению «евгенической религии» по всему миру.

Таким образом, именно отсутствие единства и единообразия в раннем евгеническом движении давало ему уникальную силу. Неупорядоченная смесь разнообразных идей, идеалов, методов, политики, мероприятий и проектов, предлагаемых различными специалистами в разных странах, давала возможность выбора отдельных элементов ранней евгеники и их адаптации к собственным национальным, профессиональным и институциональным контекстам, интересам и программам. Именно это и привлекало многих антропологов, педагогов, врачей, деятелей здравоохранения, реформаторов, биологов и юристов в различных странах под знамёна международного евгенического движения в предвоенные годы. Но российские специалисты присоединились к движению только после большевистской революции 1917 г., коренным образом изменившей культурную, идеологическую и политическую обстановку на их родине.

Научный совет по социальным и гуманитарным наукам Канады (Social Sciences and Humanities Research Council of Canada — SSHRCC) оказал финансовую поддержку моим исследованиям, результатом которых является и данная работа. Первый вариант статьи был представлен на заседании по евгенике на съезде Американской ассоциации истории медицины в Атланте, штат Джорджия, в 2013 г., и я благодарен участникам за их вопросы и предложения. Мне хотелось бы поблагодарить рецензентов журнала “Medical History”, в котором была опубликована англоязычная версия этой работы, за их полезные замечания. Я также весьма признателен Юлии Лайус, Галине Савиной, Марине Сорокиной и Анастасии Федотовой за помощь в подготовке русского варианта статьи.

Литература

- 1-й Международный съезд по евгенике (расовой гигиене) // Врачебная газета. 1911. № 40. С. 1260.
- Августовский Н.* [Рец.] Н. Норре. О зачатии в состоянии опьянения // Гигиена и санитария. 1910. № 9. С. 670–671.
- Бехтерев В.М.* Вопросы душевного здоровья в населении России // Вестник Европы. 1910. № 9. С. 294–306.
- Блюм А.* Евгеника и этика. М.: Суворин, 1909. 210 с.
- Вартанян М.Е.* Тихон Иванович Юдин (к 100-летию со дня рождения) // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1979. Т. 79. № 12. С. 1748–1753.
- Галачьян А.Г.* Т.И. Юдин как основоположник русской и советской клинической генетики (к 15-летию со дня смерти) // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1965. Т. 65. С. 1883–1890.
- Гальтон Ф.* Наследственность таланта (ее законы и последствия). СПб., 1874. 299 с. (Прил. к журн. «Знание»).
- Гамалея Н.Ф.* Демонстрация больного с истерией // Протокол заседания Общества одесских врачей. 1885. Вып. 4. С. 85.
- Гамалея Н.Ф.* О методе Пастера предохранения укушенных от бешенства. Одесса: Одесский вестник, 1886. 27 с.
- Гамалея Н.Ф.* Основы общей бактериологии. Одесса: Славянская, 1899. 205 с.
- Гамалея Н.Ф.* Этиология холеры с точки зрения экспериментальной патологии. СПб.: Стасюлевич, 1893. 60 с.
- Гамалея Н.Ф.* Холера и борьба с нею. Одесса, 1905. 137 с.
- Гамалея Н.Ф.* Лекции о патогенных микроорганизмах. Одесса: Мерк, 1909. 62 с.

- Гамалея Н.Ф.* Способ предохранения от бешенства Пастера // Календарь для врачей всех ведомств. 1887. № 2. С. 11–25.
- [Гамалея Н.Ф.]* [Программа журнала] // Гигиена и санитария. 1910а. № 1. С. 1–5.
- Гамалея Н.Ф.* Очерк эпидемиологии возвратного и сыпного тифа и мер борьбы с ними // Гигиена и санитария. 1910б. № 1. С. 126–137; № 2. С. 195–205; № 3. С. 326–341.
- [Гамалея] Н.Ф.* Bertillon // Гигиена и санитария. 1910в. № 4. С. 292–293.
- Гамалея Н.Ф.* Бактериологические институты в России // Гигиена и санитария. 1910г. № 5. С. 781–791.
- Гамалея Н.Ф.* 1 июля 1910 года // Гигиена и санитария. 1910д. № 13. С. 1–5.
- Гамалея Н.Ф.* О Министерстве народного здравия // Гигиена и санитария. 1910е. № 20–21. С. 397–428.
- [Гамалея Н.Ф.]* I Международный евгенический конгресс в Лондоне 24–30 июля 1912 г. // Гигиена и санитария. 1912а. № 15–16. С. 175–182.
- Гамалея Н.Ф.* Об условиях, благоприятствующих улучшению природных свойств людей // Гигиена и санитария. 1912б. № 19–20. С. 340–361.
- Гамалея Н.Ф.* О вырождении и возрождении людей по данным евгеники // Врачебная газета. 1913а. № 7. С. 271.
- Гамалея Н.Ф.* Ослопрививание. СПб.: Линик, 1913б. 360 с.
- Гамалея Н.Ф.* Оспа и борьба с ней в Петрограде. Пг.: Кирхнер, 1915. 48 с.
- Гамалея Н.Ф.* Воспоминания // Гамалея Н.Ф. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Медгиз, 1953. С. 11–248.
- Гамалея Н.Ф., Белинский В.А.* Чума в Одессе: В 2 т. Одесса, 1903–1904.
- Гертвиг О.* Развитие и наследственность. Основные и спорные вопросы биологии. СПб.: Образование, 1910. 155 с.
- Грановский Л.Б.* Общественное здравоохранение и капитализм // Журнал общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. 1907. № 5. С. 371–404; № 6. С. 539–564.
- Грубер М.* Гигиена половой жизни. М.: Печатное дело, 1908. 100 с.
- Дионео [Исаак Шкловский].* Из Англии. Звериная философия // Русское богатство. 1912. № 10. С. 296–323.
- Дмитриев А.Н.* Заграничная подготовка будущих российских профессоров накануне I Мировой войны // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов, 1884–1917: Исследования и документы / Под ред. Н.В. Грибовского, С.Ф. Фомыкина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. С. 65–76.
- Дюкло Э.* Социальная гигиена. СПб.: Д. Голов и А. Большаков, 1904. 181 с.
- Зейлигер Д.* Проф. Бехтерев // Гигиена и санитария. 1910. № 22–23. С. 606–608.
- История евгеники. I. A. Fields. Прогресс евгеники // Гигиена и санитария. 1913. № 17–20. С. 286–290.
- Караффа-Корбут К.В.* Применение математических методов исследования в изучении медицины. СПб.: В.С. Эттингер, 1908. 31 с.
- Караффа-Корбут К.В.* Очерки по евгенике // Гигиена и санитария. 1910а. № 1. С. 41–48. № 2. С. 138–145; № 3. С. 276–281.
- Караффа-Корбут К.В.* [Рец.]. Рутгерс. Улучшение человеческой породы. Агнесса Блюм. Этика и евгеника. СПб., 1909 // Гигиена и санитария. 1910б. № 1. С. 75–76.
- Караффа-Корбут К.В.* Ночлежные дома Санкт-Петербурга // Общественный врач. 1911. № 1. С. 81–89.
- Караффа-Корбут К.В.* Ночлежные дома Санкт-Петербурга // Гигиена и санитария. 1912а. № 1. С. 7–25; № 2. С. 69–85.
- Караффа-Корбут К.В.* Ночлежные дома в больших русских городах // Городское дело. 1912б. № 10. С. 627–642; № 11–12. С. 691–712; № 13–14. С. 803–823.
- Корренс К.* Новые законы наследственности. М.: Биос, 1913. 118 с.
- Кременцов Н.Л.* От «звериной философии» к медицинской генетике: евгеника в России и Советском Союзе // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 2. С. 24–56.

- Крживицкий Л.* Антропология. СПб.: Ф. Павленков, 1896. 349 с.
- Крживицкий Л.* Психические расы. СПб.: XX век, 1902. 223 с.
- Крживицкий Л.* Антропотехника // Новый энциклопедический словарь. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1914. Т. 3. С. 99–101.
- Кузнецов В.Н., Петрюк А.П., Петрюк П.Т.* Профессор Тихон Иванович Юдин — крупнейший отечественный психиатр и бывший сабурянин (к 130-летию со дня рождения) // Психичне здоровья. 2009. № 2. С. 154–159.
- Кучук К.* Краткий очерк современных взглядов на наследственность // Гигиена и санитария. 1912. № 21–22. С. 437–441.
- Миленушкин Ю. И.* Николай Федорович Гамалея. Очерк жизни и научной деятельности. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 160 с.
- Могильнер М.* Homo Imperii. История физической антропологии в России. М.: НЛО, 2008. 505 с.
- Новомбергский Н.Я.* По пути к вырождению. Социально-гигиенические очерки // Гигиена и санитария. 1913. № 5–6. С. 201–234.
- Ночлежные дома, постоялые дворы и угловые квартиры С.-Петербурга. Доклад совещания ночлежных врачей // Материалы к отчету Санитарной комиссии за 1909 г. СПб., 1910. Вып. 2. С. 91–113.
- Оболенский Л.Е.* Биологи о женском вопросе // Русская мысль. 1893. № 2. С. 61–78.
- Пеннет Р.* Менделизм. М.: Биос, 1913. 192 с.
- Пирсон К.* Наука и обязанности гражданина. М.: И.Н. Кушнерев и К°, 1905. 55 с.
- Преображенский С.А.* Хирургическая профилактика вырождения // Современная психиатрия. 1912. № 2. С. 110–117.
- Рафес Ю.И.* Караффа-Корбут — выдающийся гигиенист России и Польши // Гигиена и санитария. 1960. № 3. С. 50–53.
- Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913). М.: Госиздат, 1956. 352 с.
- Рутгерс И.* Улучшение человеческой породы. М.: Суворин, 1909. 210 с.
- Скориченко Г.Г.* (ред.). Систематический книжный каталог библиотеки имп. Военно-медицинской академии: В 4 т. СПб., 1901–1903.
- Скориченко Г.Г.* (ред.) Систематический каталог книг и журнальных статей. Библиотека студентов Военно-медицинской академии. СПб., 1904. 114 с.
- Скориходов Л. Я.* Материалы по истории медицинской микробиологии в дореволюционной России. М.: Медгиз, 1948. 355 с.
- Стольгво Н.С.* К истории открытия первых пастеровских станций // Из истории медицины. Рига, 1959. Вып. 2. С. 165–170.
- Суханов С.А.* О психозах у близнецов // Клинический журнал. 1900. № 4. С. 341–352.
- Федотова А.А.* Ветеринарная командировка почвовед П.А. Костычева // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 3. С. 79–93.
- Фельдер Б.Ф.* Расовая гигиена в России: Евгений Александрович Шепилевский и зарождение евгеники в Российской империи // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 2. С. 39–60.
- Френкель З.Г.* Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб.: Нестор-История, 2009. 696 с.
- Шоломович А.С.* Новое течение в учении о наследственности (по поводу Гиссенского конгресса по наследственности) // Современная психиатрия. 1912а. № 6. 392–401.
- Шоломович А.С.* Первый конгресс по генеалогии // Неврологический вестник. 1912б. Т. 19. № 3. С. 582–602.
- Шоломович А.С.* Наследственность и физические признаки вырождения у душевно-больных и здоровых. Казань: Имп. ун-т, 1913. 330 с.
- Юдин Т.И.* Психозы у близнецов // Журнал невропатологии и психиатрии. 1907а. Т. 7. № 1. С. 68–83.
- Юдин Т.И.* О сходстве психозов у братьев и сестер // Современная психиатрия. 1907б. № 10. С. 337–342; № 11. С. 401–409; № 12. С. 451–459.

- Юдин Т.И.* О форме душевных заболеваний, встречающихся в семье прогрессивных паралитиков // Современная психиатрия. 1911. № 1–2. С. 126–143.
- Юдин Т.И.* О характере наследственных взаимоотношений при душевных болезнях // Современная психиатрия. 1913а. № 8. С. 568–579.
- Юдин Т.И.* [Рец.] Шоломович А.С. Наследственность и физические признаки вырождения у душевно-больных и здоровых // Современная психиатрия. 1913б. № 10. С. 819–823.
- Юдин Т.И.* [Рец.] Genil-Perrin. Histoire des origines et de l'évolution de l'idée de dégénérescence en médecine mentale. Thèse de Paris, 1913 // Современная психиатрия. 1913в. № 6. С. 903.
- Юдин Т.И.* [Рец.] E. Wittermann, Psychiatrische Familienforschungen. Zeitschr. f. d. ges. Neur. U. Psych. Bd. XX. Н. 2 // Современная психиатрия. 1913г. № 10. С. 961–962.
- Юдин Т.И.* Новый английский закон о психически дефективных лицах // Современная психиатрия. 1914а. № 6. С. 565–567.
- Юдин Т.И.* Об евгенике и евгеническом движении // Современная психиатрия. 1914б. № 4. С. 319–336.
- Юдин Т.И.* О характере наследственных взаимоотношений при душевных болезнях // Труды I Съезда русского союза психиатров и невропатологов. М.: Тип. Штаба Московского военного округа, 1914в. С. 854–863.
- Юдин Т.И.* Очерки истории отечественной психиатрии. М.: Медгиз, 1951. 480 с.
- Adams M.B.* (ed.). The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia. New York: Oxford University Press, 1990a. 256 p.
- Adams M.B.* Eugenics in Russia // The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia / Ed. by M.B. Adams. New York: Oxford University Press, 1990b. P. 153–229.
- Adams M.B., Allen G.E., Weiss Sh.* Human Heredity and Politics: A Comparative Institutional Study of the Eugenics Record Office at Cold Spring Harbor (United States), the Kaiser Wilhelm Institute for Anthropology, Human Heredity, and Eugenics (Germany), and the Maxim Gorky Medical Genetics Institute (USSR) // Osiris. 2005. Vol. 20. P. 232–262.
- Ascher A.* The Russian Revolution of 1905. Russia in Disarray. Stanford: Stanford University Press, 1988. 417 p.
- Ascher A.* The Russian Revolution of 1905. Authority Restored. Stanford: Stanford University Press, 1992. 443 p.
- Barrett D., Kurzman Ch.* Globalizing Social Movement Theory: The Case of Eugenics // Theory and Society. 2004. Vol. 33. P. 487–527.
- Bashford A.* Internationalism, Cosmopolitanism and Eugenics // The Oxford Handbook on the History of Eugenics / Ed. by A. Bashford, Ph. Levine. New York: Oxford University Press, 2010. P. 254–286.
- Bashford A., Levine Ph.* (eds). The Oxford Handbook on the History of Eugenics. New York: Oxford University Press, 2010. 586 p.
- Beer D.* Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930. Ithaca: Cornell University Press, 2008. 229 p.
- Bradley J.* Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // American Historical Review. 2002. Vol. 107. № 4. P. 1094–1123.
- Broberg G., Roll-Hansen N.* (eds). Eugenics and the Welfare State: Sterilization Policy in Denmark, Sweden, Norway, and Finland. East Lansing, 1996. 294 p.
- Brown J.* The Professionalization of Russian Psychiatry: 1857–1911. Unpublished PhD. Diss.: University of Pennsylvania, Philadelphia, 1981. 431 p.
- Brown J.* A Sociohistorical Perspective on Deinstitutionalization: The Case of Late Imperial Russia // Research in Law, Deviance and Social Control / Ed. by S. Spitzes, A. Scull. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1985. Vol. 7. P. 167–188.
- Brown J.* The Deprofessionalization of Soviet Physicians: a Reconsideration // International Journal of Health Services. 1987. Vol. 17. P. 65–76.
- Brown J.* Professionalization and Radicalization: Russian Psychiatrists Respond to 1905 // Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History / Ed. by Harley D. Balzer. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1996. P. 169–196.

- Burgmair W., Engstrom E. J., Weber M.M.* (eds), *Emil Kraepelin*. Munich: Belleville, 2000–2008. 7 vols.
- Carol A.* *Histoire de l'eugénisme en France. Les médecins et la procréation XIXe–XXe siècle*. Paris: Le Seuil, 1995. 381 p.
- Cassata F.* *Building the New Man: Eugenics, Racial Science and Genetics in Twentieth-century Italy*. Budapest: Central European University Press, 2011. 480 p.
- Chamberlin E.J., Gilman S.L.* (eds), *Degeneration. The Dark Side of Progress*. New York: Columbia University Press, 1985. 303 p.
- Correns C.* *Die neuen Vererbungsgesetze*. Berlin: Verlag von Gebrüder Borntraeger, 1912. 75 p.
- Darwin L.* *Presidential Address // Problems in Eugenics. Vol. I. Papers Communicated to the First International Eugenics Congress held at the University of London, July 24th to 30th, 1912*. London: Kingsway, 1912. P. 2–3.
- Engelstein L.* *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 1994. 461 p.
- Engstrom E.J.* “On the Question of Degeneration” by Emil Kraepelin (1908) // *History of Psychiatry*. 2007. Vol. 18. № 3. P. 389–404.
- Flitner M.* *Genetic Geographies: A Historical Comparison of Agrarian Modernization and Eugenic Thought in Germany, the Soviet Union, and the United States // Geoforum*. 2003. Vol. 34. P. 175–185.
- Frieden N.M.* *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905*. Princeton: Princeton University Press, 1981. 378 p.
- Galton F.* *Probability, the Foundation of Eugenics // Galton F. Essays in Eugenics*. London: The Eugenics Education Society, 1909. P. 73–99.
- Gamalei [Гамалея Н.Ф.]* *Tõuterwenduse-õpetuse, eugeenika põhjus, mõtteist ja ulesannetest // Postimees (Tartu)*, 1912, 5–9 November (available on line at the National Library of Estonia: <http://dea.nlib.ee/fullview.php?frameset=3&showset=1&wholepage=keskmine&pid=s474228&nid=7093>; accessed April 27, 2014).
- Girón Á.* *Kropotkin between Lamarck and Darwin: The Impossible Synthesis // Asclepio*. 2003. Vol. 55. P. 189–213.
- Geison G. L.* *The Private Science of Louis Pasteur*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. 378 p.
- Gleason W.* *Public Health, Politics, and Cities in Late Imperial Russia // Journal of Urban History*. 1990. Vol. 16. P. 341–365.
- Graham L. R.* *Science and Values: The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920s // American Historical Review*. 1977. Vol. 82. P. 1133–1164.
- Hachten E.A.* *Science in the Service of Society: Bacteriology, Medicine, and Hygiene in Russia, 1855–1907*. Unpublished PhD diss.: University of Wisconsin, Madison, 1991.
- Hachten E.A.* *In Service to Science and Society: Scientists and the Public in Late-Nineteenth-Century Russia // Osiris*. 2002. Vol. 17. P. 171–209.
- Henze Ch.E.* *Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914*. London: Routledge, 2011. 227 p.
- Herlihy P.* *Odessa: A History, 1794–1914*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 432 p.
- Herlihy P.* *The Alcoholic Empire: Vodka & Politics in Late Imperial Russia*. New York: Oxford University Press, 2002. 272 p.
- Hertwig O.* *Der Kampf um Kernfragen der Entwicklungs- und Vererbungslehre*. Jena: Fisher, 1909. 122 p.
- Hutchinson J.F.* *Society, Corporation or Union? Russian Physicians and the Struggle for Professional Unity (1890–1913) // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*. 1982. Vol. 30. P. 37–53.
- Hutchinson J.F.* *Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1990. 253 p.
- Hutchinson J.F.* *Politics and Medical Professionalization after 1905 // Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History / Ed. by Harley D. Balzer*. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1996. P. 89–116.
- Klausen S., Bashford A.* *Fertility Control: Eugenics, Neo-Malthusianism, and Feminism // The Oxford Handbook on the History of Eugenics / Ed. by A. Bashford and Ph. Levine*. New York: Oxford University Press, 2010. P. 98–115.

- Knight N.* Vocabularies of Difference: Ethnicity and Race in Late Imperial and Early Soviet Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. P. 667–683.
- Kohz B.* Gute Gene, schlechte Gene. Eugenik in der Sowjetunion zwischen Begabungsforschung und genetischer Familienberatung // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2013. Vol. 61. P. 591–610.
- Krementsov N.* International Science between the World Wars: the Case of Genetics. London: Routledge, 2005. 186 p.
- Krementsov N.* Eugenics, Rassenhygiene, and Human Genetics in the late 1930s // *Doing Medicine Together: Germany and Russia between the Wars* / Ed. by Susan G. Solomon. Toronto: University of Toronto Press, 2006. P. 369–404.
- Krementsov N.* From “Beastly Philosophy” to Medical Genetics: Eugenics in Russia and the Soviet Union // *Annals of Science*. 2011. Vol. 68. P. 61–92.
- Krementsov N.* Daniel Beer: Renovating Russia: the human sciences and the fate of liberal modernity, 1880–1930 // *Medical History*. 2010. Vol. 54. P. 131–132.
- [*Kropotkin P.*] [Discussion] // *Problems in Eugenics*. Vol. II. Report on Proceedings of the First International Eugenics Congress held at the University of London, July 24th to 30th, 1912. London: Kingsway, 1913. P. 50–51.
- Kühl S.* For the Betterment of the Race: The Rise and Fall of the International Movement for Eugenics and Racial Hygiene. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 304 p.
- Lopez-Beltran C.* Forging Heredity: From Metaphor to Cause, A Reification Story // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1994. Vol. 25. P. 211–235.
- Mogilner M.* Daniel Beer: Renovating Russia: the human sciences and the fate of liberal modernity, 1880–1930 // *Kritika*. 2010. Vol. 11. P. 661–72.
- Morrissey S.K.* Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 384 p.
- Müller-Wille S., Rheinberger H.-J.* (eds). Heredity Produced: At the Crossroads of Biology, Politics, and Culture, 1500–1870. Cambridge, MA: MIT Press, 2007. 496 p.
- Müller-Wille S., Rheinberger H.-J.* A Cultural History of Heredity. Chicago: University of Chicago Press, 2012. 323 p.
- Pick D.* Faces of Degeneration: A European Disorder 1848–1918. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 275 p.
- Punnett R.* Mendelism. London: Macmillan, 1911. 176 p.
- Ribot Th.* Heredity: a psychological study of its phenomena, laws, causes, and consequences. London: H.S. King & Co., 1875. 393 p.
- Rudling P.A.* Eugenics and Racial Biology in Sweden and the USSR: Contacts across the Baltic Sea // *Canadian Bulletin of Medical History*. 2014. Vol. 31. P. 41–75.
- Salomon J.-J.* The ‘Internationale’ of Science // *Science Studies*. 1971. № 1. P. 24–42.
- Schneider W.H.* Quality and Quantity: The Quest for Biological Regeneration in Twentieth-Century France. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 392 p.
- Schroeder-Gudehus B.* Nationalism and Internationalism // *Companion to the History of Modern Science* / Ed. by R. Olby et al. London, New York: Routledge, 1989. P. 909–919.
- Sirotkina I.* Diagnosing Literary Genius. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2001. 269 p.
- Spektorowski A.* The Eugenic Temptation in Socialism: Sweden, Germany, and the Soviet Union // *Comparative Studies in Society and History*. 2004. Vol. 46. P. 84–106.
- Stern A.M.* Eugenics and Sexuality: A Global Tour and Compass // *The Oxford Handbook on the History of Eugenics* / Ed. by A. Bashford and Ph. Levine. New York: Oxford University Press, 2010. P. 173–191.
- Stites R.* The Women’s Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930. Princeton: Princeton University Press, 1978. 464 p.
- Todes D.P.* Darwin without Malthus. New York: Oxford University Press, 1989. 221 p.
- Todes D.P.* Daniel Beer: Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930 // *Isis*. 2009. Vol. 100. P. 664–665.

Vucinich A. Darwin in Russian Thought. Berkeley: University of California Press, 1988. 468 p.

Waller J.C. Ideas of Heredity, Reproduction and Eugenics in Britain, 1800–1875 // Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. 2001. Vol. 32. P. 457–489.

Weindling P. The ‘Sonderweg’ of German Eugenics: Nationalism and Scientific Internationalism // British Journal of the History of Science. 1989. Vol. 22. P. 321–333.

Weindling P. (ed.). International Health Organisations and Movements, 1918–1939. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 337 p.

Weindling P. International Eugenics: Swedish Sterilization in Context // Scandinavian Journal of History. 1999. Vol. 24. P. 179–197.

International Eugenics and the Russian Medical Community, 1900–1917

NIKOLAI KREMENTSOV

University of Toronto, Toronto, Canada; n.krementsov@utoronto.ca

This essay examines the ‘infiltration’ of eugenics into Russian medical discourse during the formation of the eugenics movement in Western Europe and North America in 1900–1917. It describes the efforts of two Russian physicians, bacteriologist and hygienist Nikolai Gamaleia (1859–1949) and psychiatrist Tikhon Iudin (1879–1949), to introduce eugenics to the Russian medical community, analyzing in detail what attracted these representatives of two different medical specialties to eugenic ideas, ideals, and policies advocated by their Western colleagues. On the basis of a close examination of the similarities and differences in Gamaleia’s and Iudin’s attitudes to eugenics, the essay argues that the lack of cohesiveness gave the early eugenics movement a unique strength. The loose mix of widely varying ideas, ideals, methods, policies, activities, and proposals covered by the umbrella of eugenics offered to a variety of educated professionals in Russia and elsewhere the possibility of choosing, adopting, and adapting its particular elements to their own national, professional, institutional, and disciplinary contexts, interests, and agendas.

Keywords: eugenics movement, Nikolai Gamaleia, Tikhon Iudin, Russian medicine, *Hygiene and Sanitation*, *Modern Psychiatry*, heredity, public health.